

Annotation

Сегодня Варшава, ежедневно рассуждая о «русской угрозе» и «коварных планах Путина», старательно обходит неудобные вопросы. Их накопилось немало за XX век. Российско-польские отношения действительно трудно назвать безоблачными. Но если Москва не отказывается от обсуждения Катынского дела или Рижского договора, то Варшава категорически отрицает массовую гибель красноармейцев в польских лагерях, уничтожение храмов Русской православной церкви и свое участие в Холокосте.

Новая книга известного журналиста, историка и писателя Армена Гаспаряна посвящена тем страницам истории, о которых в Польше не хотят вспоминать. Но именно они являются основой, возведенной в ранг государственной политики русофобии.

-
- [Армен Сумбатович Гаспарян](#)
 - [Предисловие. Главные русофобы в мире](#)
 - [Глава 1. Что стало с пленными красноармейцами в 1920 году?](#)
 - [Глава 2. Почему провалился Рижский договор?](#)
 - [Глава 3. Уничтоженная церковь: судьба храмов РПЦ в Польше](#)
 - [Глава 4. Почему не вспоминают сегодня «Прометей»?](#)
 - [Глава 5. Во всем ли виноват тот самый «Пакт»?](#)
 - [Глава 6. Польское участие в Холокосте](#)
 - [Глава 7. Катынь: оставшиеся вопросы](#)
 - [Глава 8. Варшавское восстание 1944 года: в чем виноват СССР?](#)
 - [Глава 9. Кто спонсировал восстановление польской столицы после Второй мировой?](#)
 - [Глава 10. Катастрофа самолета Качиньского](#)
 - [Послесловие](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
-

Армен Сумбатович Гаспарян
Ложь Посполита

Предисловие. Главные русофобы в мире

Поляки издавна питают к России негативные эмоции. Русофобия, активно поддерживаемая польскими политиками и общественными деятелями, дает свои плоды. «Революция достоинства» на Украине, последовавшее за этим возвращение Крыма в состав Российской Федерации и война на Донбассе укрепили польских обывателей в мысли, что наша страна обязательно нападет, закабалит и уничтожит их замечательное государство. Не так давно был проведен опрос общественного мнения, который показал, что подавляющее большинство поляков негативно относятся к России, россиянам и Путину. И если до 2014 года отрицательно относились к России 54 % жителей Польши, то за последнее время цифра увеличилась до 81 %. Восемьдесят шесть процентов поляков крайне негативно относятся к российскому президенту. Доверяют Владимиру Владимировичу только 8 %. Положительные эмоции при слове «Россия» или «русские» испытывает всего ничего — порядка 12 % поляков.

Подобный рост боязни России и русского мы наблюдали еще, пожалуй, в Соединенных Штатах Америки — начиная с ноября 2016 года, когда Трамп победил на президентских выборах.

Что это означает? Не надо думать, что раньше наши отношения были идеальными и только события 2014 года их разрушили. На самом деле на протяжении последних 100 лет польское государство делало все возможное для того, чтобы воспитать в своих гражданах ненависть к России. Да, был определенный период, когда Польша входила в социалистический лагерь, и тогда эти настроения не поддерживались на государственном уровне. Но это не означает, что их не было в самом польском обществе. В XX веке много чего произошло: и советско-польская война, и трагедия в Катыни, и попытка реализовать план «Прометей», целью которого было уничтожение СССР, разделение его на части по национальному признаку. Все это и стало фундаментом для нынешней антироссийской и откровенно русофобской истерии в обществе.

Удивительно, но сами поляки с гордостью называют себя главными русофобами в мире. И надо признать, что на этом направлении они добились грандиозных успехов. Едва ли найдется сегодня государство, которое с такой последовательностью, с такой нескрываемой ненавистью боролось бы против всего русского, как это делают поляки.

О некоторых эпизодах этой борьбы я и расскажу на страницах этой книги. К сожалению, многие из нас до сих пор продолжают искренне верить в постулаты времен советского агитпропа — о нерушимом братстве и дружбе народов. Именно поэтому каждая новая русофобская выходка Варшавы вызывает у нас столько огорчения и непонимания. Мы долгие годы молчали об очень многих событиях. И совершенно напрасно, потому что наше молчание воспринималось как слабость. А поляки этим, разумеется, активнейшим образом пользовались.

Я вовсе не хочу, чтобы у читателей возникли какие-то антипольские настроения. Моя цель — рассказать о том, о чем мы не очень любим говорить вслух. Чтобы все понимали, почему Польша позиционирует себя как главного русофоба в мире. Надеюсь, что факты, которые я приведу на страницах этой книги, заставят вас о многом задуматься. И когда последует очередное гнусное польское заявление, вы уже будете понимать, что послужило его основой и откуда пошла польская русофобия.

Я очень благодарен читателям моего «Твиттера», которые помогли мне в работе над книгой, подсказали важные темы и обозначали те факты, на которые обязательно нужно обратить внимание.

Глава 1. Что стало с пленными красноармейцами в 1920 году?

Сегодня, наверное, нет такого человека, который бы никогда не слышал слово «концлагерь», ни когда не видел страшных фотографий, ужасающих кадров кинохроники времен Второй мировой войны и не представляет себе, что такое концлагерь. Но мало кто слышал о том, что наши с вами прадеды узнали слово «концлагерь» за 20 лет до трагических событий Великой Отечественной войны.

...В самом центре Польши расположен городок Тухоля. Небольшой цементный заводик, лес. Имеется своя мусорная свалка. Жители городка даже не подозревают о том, что эта самая мусорная свалка организована на месте, где погибли тысячи русских солдат и командиров: именно там располагался печально знаменитый концентрационный лагерь, ставший символом уничтожения красноармейцев в самом начале 20-х годов прошлого века.

Возникает закономерный вопрос: как они там оказались? И почему об этом так редко говорят?

В европейской повестке исторических вопросов этого эпизода вообще нет. Как это ни прискорбно прозвучит, не обсуждается он и в нашем обществе.

Вообще, в общественном мнении все наше взаимоотношение с Польшей ограничивается 1930-ми годами: договор о ненападении между Советским Союзом и Германией, потом Катынское дело. Лишь очень немногие знают о плане «Прометей» и слышали о судьбе красноармейцев, попавших в польский плен.

Давайте разбираться.

Апрель 1920 года. Начинается советско-польская война. Красная армия с 90 тысячами штыков и сабель сражалась против 80 тысяч польских штыков и сабель. Конечно, сегодня мы все оцениваем по меркам Великой Отечественной войны. А по реалиям 1940-х годов группировка в 80–90 тысяч человек — не самые большие военные формирования. Но в 1920-х это была очень серьезная сила. В кругах русской эмиграции, например, достаточно долго бытовала точка зрения, что для победы над большевиками Антону Ивановичу Деникину не хватило сущей мелочи — 25 тысяч штыков и сабель.

25 апреля 1920 года поляки заняли Киев, и, разумеется, должен был

последовать ответ со стороны РСФСР. Западный фронт под командованием Тухачевского начал наступление на Варшаву, заставив противника заняться перегруппировкой сил. Все было бы, в общем, хорошо, если бы не одна печальная деталь. Наступление было крайне плохо подготовлено. Нам удалось, конечно, достичь определенных успехов: взяли Минск, Вильно. Но Тухачевский не учел массу нюансов, которые в дальнейшем негативно скажутся на всей кампании и закономерно приведут к ее провалу.

Британский министр иностранных дел лорд Керзон в ноте наркому иностранных дел Чичерину предлагает остановить продвижение РККА на линии Гродно — Брест, или, как ее стали называть, линии Керзона. Москва категорически отвергла предложение Лондона, настаивая на необходимости прямых переговоров с Польшей.

Параллельно продолжалось наступление на Варшаву — Львов, хотя два человека категорически возражали против этого. Первым был народный комиссар по военным и морским делам Лев Троцкий, второй — член Реввоенсовета Юго-Западного фронта Иосиф Сталин. Оба этих всем известных политика указывали на то, что наступление не готово и необходимо действовать иначе. Но Тухачевский в свойственной ему манере критику слушать не захотел. Ему казалось, что победа близка, одним серьезным ударом он сокрушит польское панство и станет самым великим красным полководцем... Тухачевский вообще считал себя этаким Бонапартом — неслучайно многие, причем не только в Советском Союзе, но и в русской эмиграции, называли его Красным Наполеоном.

По мере продвижения к Висле сопротивление поляков возрастало. И хотя преимущество в живой силе было на стороне Рабоче-крестьянской Красной армии, Тухачевский не учел возможного контрнаступления войск Пилсудского. А польский маршал, надо отдать ему должное, нащупал слабые места Красной армии и именно туда нанес сокрушительный удар. В результате в августе тылы Западного фронта Тухачевского были расстроены. Больше того, поляки взяли Брест. Все это грозило абсолютной катастрофой. Не случайно в польской историографии эти события называются «Чудо на Висле» (аналогия с «Чудом на Марне» сентября 1914 года, когда мощная немецкая армия потерпела поражение от англо-французских войск).

Для Западного фронта это была в подлинном смысле трагедия: потери составили 66 тысяч человек пленными и 25 тысяч убитыми. Еще 50 тысяч вынуждены были отступить в Восточную Пруссию, где были интернированы. В результате контрнаступления поляки захватили Белосток, Барановичи, Луцк, Ровно, Тернополь. Развить успех они, правда,

не могли, поэтому Варшава приняла решение ограничиться взятыми рубежами и приступить к позиционной обороне. По сути, на этом активные боевые действия на фронте закончились. Начинаются мирные переговоры — сначала в Минске, потом в Риге. В результате 18 марта 1921 года был подписан Рижский мирный договор, о котором мы поговорим отдельно. Пока ограничимся лишь тем, что договором была установлена новая польско-советская граница — она прошла восточнее предложенной ранее линии Керзона, то есть почти по меридиану Пскова.

В Советском Союзе панических настроений в связи с этим не возникло, но все прекрасно понимали драматичный характер этих событий и то, что десятки тысяч красноармейцев оказались в концлагерях. Я не случайно употребляю в этой главе слово «концлагерь» — так описывали эти, с позволения сказать, учреждения современники. Например, генерал Деникин пишет: «Концлагеря с колючей проволокой — скорбные дни национального унижения». Конечно, на тот момент термин «концлагерь» не был широко известен и еще не имел такого ярко выраженного отрицательного подтекста, который у него есть сегодня.

Концлагерь в значении «фабрика смерти» впервые появился именно в Польше в 1920-х годах. В том самом лагере в Тухоле погибли 22 тысячи пленных красноармейцев. Причем это цифры не советской стороны. Их приводит полковник польского генштаба Матушевский в докладе военному министру в феврале 1922 года.

Народный комиссар иностранных дел Чичерин в 1921 году писал, что погибли 60 тысяч советских солдат и командиров. Вообще надо сказать, что цифры по количеству пленных очень сильно разнятся: от 157 тысяч человек (по данным доктора исторических наук Мельтюхова) до 216 тысяч (такую цифру приводит генерал Кирилин). При этом не учитываются белогвардейцы, оказавшиеся в тех же самых концентрационных лагерях, и даже украинские националисты, которые сидели по соседству. Но в любом случае, согласитесь, цифры ужасающие.

По данным СССР, из плена вернулись 67 тысяч красноармейцев. Российские историки эту цифру подтвердили, и сегодня поляки ее не оспаривают. Остальные красноармейцы погибли в польских лагерях. Таким образом даже при минимальной цифре 157 тысяч пленных это означает, что в Польше погибли 90 тысяч человек. Полякам такая арифметика очень не нравится, они утверждают, что в плену погибли каких-то 18 тысяч человек — сущий пустяк. Но тогда возникает закономерный вопрос: а куда делись еще 100 тысяч человек? Дело в том, что поляки не фиксировали людей, которые погибли в плену до заключения в концентрационный

лагерь. Точно так же, как и немцы в 1941 году, поляки оставляли раненых на поле боя без помощи, перевозили их до лагерей сбора в буквальном смысле как скот, без еды, воды, медикаментов, и при малейшем подозрении на нарушение дисциплины или неподчинение польским властям русских солдат расстреливали на месте. Этим людей не включают в статистику и современные польские историки. Их как бы и не было.

Давайте откроем доклад о посещении лагерей в Брест-Литовске уполномоченным международного комитета Красного Креста в присутствии врача французской миссии. На тот момент в лагере, который располагался во всем сегодня хорошо известной Брестской крепости, находились 3800 человек. Что же мы читаем в этом докладе?

«От караульных помещений, так же как от бывших конюшен, в которых размещены военнопленные, исходит жуткий запах. Пленные зябко жмутся вокруг импровизированной печки, где горят несколько поленьев, — единственный способ обогреться. Ночью, укрываясь от первых холодов, они тесными рядами укладываются группами по 300 человек в плохо освещенных и плохо проветриваемых бараках, на досках без матрацев и одеял. Пленные большей частью одеты в лохмотья. Жалобы сводятся к следующему: мы голодаем, мерзнем, когда нас освободят? Следует отметить как исключение, подтверждающее правило: большевики заверили одного из нас в том, что они предпочли бы теперешнюю свою участь участи солдат на войне. Выводы. Этим летом из-за скученности помещений, непригодных для жилья; совместного тесного проживания здоровых военнопленных и заразных больных, многие из которых тут же и умирали; недостаточности питания, о чем свидетельствуют многочисленные случаи истощения; отеков, голода в течение трех месяцев пребывания в Бресте лагерь представлял собой настоящий некрополь. Две сильнейшие эпидемии истощили этот лагерь в августе и сентябре — дизентерия, сыпной тиф. Последствия были усугублены тесным проживанием больных и здоровых. Мед персонал заплатил свою дань инфекции: из двух врачей, заразившихся дизентерией, один умер, из четырех студентов-медиков один умер. Рекорд смертности был поставлен в начале августа, когда в один день от дизентерии скончались 180 человек».

Я не случайно привел такую длинную цитату. Ужасающая картина. Она ничем не отличается от того, что происходило в немецких концлагерях. Но то, что творило руководство Третьего рейха, было осуждено Нюрнбергским военным трибуналом как тягчайшее преступление против человечества. Действия поляков никто, разумеется, не осудил.

Еще один документ — «Докладная записка начальника санитарного департамента министерства военных дел Польши». Декабрь 1919 года.

«Посетил лагерь пленных в Белостоке. Сейчас, под первым впечатлением, осмелился обратиться к господину генералу как к главному врачу польских войск с описанием страшной картины, которая предстает перед каждым прибывающим в лагерь. Преступное пренебрежение своими обязанностями всех действующих в лагере органов навлекло позор на наше имя, на польскую армию, так же как это имело место в Брест-Литовске. На каждом углу грязь и неопрятность, которую невозможно описать. Запущенность, человеческая нужда. Перед дверями барачных куча человеческих испражнений.

Больные до такой степени ослаблены, что не могут дойти до отхожих мест. Сами бараки переполнены, здоровых крайне мало. По моему мнению, среди 1400 пленных здоровых просто нет. Прикрытые только тряпьем, они жмутся друг к другу, согреваясь взаимно. Смерд от дизентерийных больных и пораженных гангреной опухших от голода ног. В бараке, который должны были как раз освободить, лежали среди других двое тяжело больных в собственном кале, сочащемся через верхние портки, — у них не было сил, чтобы подняться и перелечь на сухое место на нарах».

Вдумайтесь в эти страшные слова. За подобные изуверства немецких генералов и руководителей Третьего рейха совершенно справедливо судили в Нюрнберге и приговорили к смертной казни. Но никто, никто до сих пор не требует такого же отношения к деятелям Польской республики, которые так относились к солдатам Красной армии. А ведь все это, по сути, тоже преступление против человечества.

Были и другие эпизоды, о которых сегодня варшавские политики и многочисленные эксперты предпочитают не вспоминать. Например, приказ генерала Сикорского (через какое-то время он станет премьер-министром Польши) — расстрелять из пулеметов 300 советских военнопленных.

Распоряжение генерала Пясецкого вообще не брать в плен советских солдат. Солдаты 49-го пехотного полка Пятой польской армии, выполняя этот приказ, расстреляли из пулеметов 200 пленных казаков.

Чем участь советских солдат, которые находились в лагерях в Житомире, Барановичах, Вильно, Бобруйске, Гродно, отличается от участи заключенных Аушвиц-Биркенау, Дахау, Освенцима, Заксенхаузена? Однако любые попытки России заговорить об этом на серьезном уровне тут же встречают гигантское сопротивление Польши.

В частности, Российское военно-историческое общество решило установить памятник солдатам и командирам Красной армии, погибшим в 20-е годы в Польше, — скромный крест на кладбище. Министр иностранных дел республики тут же заявил, что это подлейшая провокация Москвы, а мэр Кракова — что этот крест на кладбище разжигает вражду. Давайте честно скажем: во многом мы сами виноваты в сложившейся ситуации. После 1945-го, принимая Польшу в братский союз социалистических стран, мы предпочитали не вспоминать о том, что происходило в 1920-е годы. И советское общество искренне было убеждено, что концлагерь — это Аушвиц-Биркенау и Майданек. Мы молчали по этому поводу, а поляки, чтобы не дразнить гусей, старались не вспоминать о Катыни. Но стоило Советскому Союзу распасться, поляки тут же начали предъявлять нам претензии, перевирая один исторический факт за другим.

Вопросов действительно много, но мы никогда от своего не отказывались — в этом сила нашей страны. Например, в Катыни установили мемориал польским воинам. А что сделали в Польше? Про концлагеря никто не вспоминает.

Но это вовсе не означает, что мы с вами должны об этом молчать. Напротив — об этом нужно говорить. В память о тех десятках тысяч людей, которые были уничтожены Варшавой из-за ее вечной русофобии.

Глава 2. Почему провалился Рижский договор?

2017 год внес свежую струю в перечень бесконечных претензий Польши к России как к правопреемнице Советского Союза. Поляки вспомнили так называемый Рижский договор, прозвучало требование немедленно выплатить причитающиеся по этому договору суммы. Полякам удалось невозможное. Заикнувшись про Рижский договор, они заставили множество людей интересоваться этой темой, изучать специальную литературу и выступать с комментариями в средствах массовой информации.

В чем заключается суть вопроса?

Рижский мирный договор был заключен в 1921 году по итогам Советско-польской войны. Договор установил между советскими республиками (РСФСР, БССР, УССР) и Польшей границу, которая просуществовала вплоть до начала Второй мировой войны.

Выставив претензии к Советскому Союзу и к России как к правопреемнице СССР, поляки почему-то ни единым словом не упомянули про Украину, хотя она (если придерживаться точки зрения поляков) как правопреемница Украинской Советской Социалистической Республики тоже должна Варшаве.

При этом поляки почему-то игнорируют некоторые важные детали. Прежде всего нужно разобраться, кто были подписанты этого договора. Как известно, Советский Союз был создан только в 1922 году, и зафиксированное во многих учебниках истории наименование Советско-польская война — это большая условность. Надо понимать, что воевал не Советский Союз в том виде, в каком его все сегодня себе представляют, а отдельные республики. В данном случае РСФСР, УССР и БССР. Соответственно, эти три республики и подписывали договор с Польшей. Кроме того, нужно учитывать, что Белоруссия в переговорном процессе в принципе не участвовала. Минск делегировал все свои права и полномочия Москве.

Договор должен был подвести итог советско-польскому конфликту, причем на достаточно выгодных для Польши условиях. Он фиксировал окончание пребывания Польши в составе России.

По этой причине, собственно, и разгорелась полемика в 2017 году.

Чего хотела Польша, подписывая договор? Она требовала свою долю за развитие промышленности, культуры и вообще всей русской

государственности за тот период, когда она находилась в составе Российской империи. Оценили поляки себя достаточно скромно — «всего лишь» 300 млн золотых рублей. Но этого им показалось мало: они захотели еще 2 тысячи паровозов и несколько десятков тысяч вагонов. Без этого Польша, по их мнению, существовать не могла.

Переговорный процесс шел непросто. Но по определенным позициям договоренностей достичь удалось. В частности, в документе есть параграф 13, который гласит, что Россия и Украина обязуются выплатить золотом или слитками, но только не 300, а 30 млн, то есть польские запросы в результате переговоров сократились. Причем выплатить обещали в течение года с момента ратификации документа. Было решено, что Польша получит не 2000 паровозов, а 300, а также 8360 товарных и пассажирских вагонов.

И это не репарации по мирному договору. Речь шла о том, что таким образом оценивается и подтверждается вклад Польши в развитие русского государства. Все, казалось бы, абсолютно закономерно. Нужно было всего лишь выполнять взятые на себя обязательства. Но дело уперлось в позицию Варшавы, от которой требовалось соблюдать права белорусов и украинцев, оказавшихся на ее территории.

А главное, Польша обязывалась не поддерживать и не развивать антисоветские организации на своей территории. Причем под антисоветскими организациями подразумевались не столько белогвардейцы, потому что их процент на территории Речи Посполитой был не самым большим, сколько националисты, прежде всего украинские, потому что Петлюра сотоварищи нашли себе пристанище именно на территории Польши. То есть в чем суть документа? Россия и Украина готовы передать золото и железнодорожный транспорт; в обмен Польша перестает поддерживать антисоветские организации.

Казалось бы, справедливый обмен. Договор был опубликован в октябре 1921 года, и предполагалось, что в том же месяце Польша получит первый взнос за железнодорожное имущество. Но поляки должны были выслать с территории страны пять известных противников советской власти, среди которых был Борис Викторович Савенков (на территории Польши располагались основные базы «Союза защиты родины и свободы»). Фактически это обязательство выполнено не было. Хотя Савенкова и попросили покинуть территорию Польши, «Союз защиты родины и свободы» продолжил свою деятельность в этой стране. Как обменивались они разведанными с польской контрразведкой, так и продолжали это делать. По-прежнему в Польше издавались савенковские газеты и журналы, собирались близкие к Савенкову русские литераторы

(например, Мережковский, Гиппиус) на творческие вечера, где градус ненависти к Советскому Союзу был необычайно велик. Информация об этом есть в польской печати.

Помимо Савенкова полякам нужно было избавиться от украинских националистов, в частности от Петлюры и Тютюнника. Однако деятели самой первой украинской революции гидности были необычайно нужны польскому руководству. Потому что уже тогда в недрах польского генерального штаба стали создаваться самые первые наметки того, что в дальнейшем будет известно как план «Прометей». Об этом мы с вами еще поговорим на страницах этой книги. Сам Пилсудский относился к любому врагу советской власти как к своему союзнику и соратнику. Тем более что Петлюра и Тютюнник не скрывали своих агрессивных замыслов по отношению к действовавшему тогда на территории России и Украины политическому строю и всячески пропагандировали независимую Украину. При полном попустительстве польских властей уже после подписания Рижского договора Тютюнник с помощью поляков и, по сути, на их средства сколачивает вооруженные отряды, которые вторгаются на территорию Украины. Триумфа не получилось, отряды были достаточно быстро разгромлены, Тютюннику снова пришлось скрываться на территории Польши.

Когда Советский Союз в лице России и Украины задал вопрос, почему происходит такое наглое невыполнение основных условий Рижского договора, никакого ответа, разумеется, не последовало. Видя позицию поляков, Россия и Украина заявили о том, что они перестают выплачивать денежные средства Польше. Впрочем, какую-то часть в 1921 году полякам успели перевести. Сегодня никто не может доподлинно сказать, сколько именно золота было передано тогда Варшаве. А нынешние польские политики и политологи в один голос твердят о том, что Польша вообще ничего не получила — и поэтому мы должны им выплатить 30 млн золотых рублей.

Это означает, что современные Россия и Украина должны передать Польше «всего лишь» 45,7 тонны золота. И даже если какая-то часть денег была выплачена, то мы должны понимать, что сделала это вовсе не Украина, а Москва. Какую часть в принципе должна была выплачивать Украина — сказать трудно, потому что непонятно, как считать: то ли по населению республик в границах 1921 года, то ли по вкладу в развитие экономики страны.

Если представить, что отсчет нужно проводить от количества населения республик образца 1921 года, то сегодня Украина должна

перечислить Варшаве 10,5 тонны золота. Казалось бы, сущий пустяк. Если нынешняя Украина (прежде всего ее элита) демократически настроена, ненавидит советскую власть, то ничто не должно ее останавливать от того, чтобы внести эти средства. Беда в том, что у Украины таких денег нет. Судя по официальным украинским данным, на середину 2017 года золотой запас национального банка Украины составлял примерно 25 тонн. Получается, что Украина должна передать Польше чуть более 40 % своего золотого запаса. Естественно, что никто сегодня об этом всерьез не размышляет.

Впрочем, Варшава все свои претензии адресовала именно России. Украина из этой схемы выбыла, хотя в Рижском договоре она фигурировала.

Кроме того, не надо забывать позицию Запада. Очевидно, что если Польша требует золото от России, значит, заокеанские друзья, в общем, не против. Но как только возникает вопрос, а кто конкретно должен платить, разговоры заканчиваются, потому что всплывает невыгодная тема Украины.

Давайте напомним еще раз Варшаве, по чьей вине не были осуществлены те самые выплаты. Польша ведь не захотела выслать Петлюру и Тютюнника. Поэтому вся вина в срыве реализации Рижского договора ложится непосредственно на ее тогдашнее руководство.

Маршал Пилсудский — вот кто несет ответственность за то, что Рижский договор не был выполнен. Польское руководство, конечно, пытается сегодня так или иначе переложить ответственность на Москву — дескать, неважно, была Украина в числе подписантов или нет, ведь она являлась сателлитом Москвы, выполняла просто роль, выражаясь языком Фонвизина, имени прилагательного, потому что прикладывалась к Москве. Это все разговор в пользу бедных. Если вы (я имею в виду нынешних варшавских политиков) высказываете претензии по поводу того, что вам кто-то что-то должен, вы их высказываете одновременно и России, и Украине, иначе это все недействительно.

Кроме того, в гораздо большей степени следует высказывать претензии к нынешней Украине, ведь Варшава не получила обещанного ей золота только по причине того, что не захотела расставаться с этими нынешними украинскими «героями» (я имею в виду прежде всего Семена Петлюру, которому недавно открыли памятник в Виннице). Понятно, что их никто не предъявит. И кстати, именно по этой причине, несмотря на громкие заявления польских депутатов парламента, сразу после того, как стали известны подробности Рижского договора, тема была снята с повестки дня.

Однако у меня нет ни малейших сомнений в том, что рано или поздно поляки все-таки попытаются эту историю реанимировать. Но этот

эстрадный номер не пройдет, потому что если к международным документам подходить таким образом, то завтра Варшава может потерять очень многие земли, которые были к ней присоединены по итогам Второй мировой войны. Кто-нибудь из немецких политиков вполне может предложить рассмотреть вопрос о том, что нужно вернуть некоторые земли Восточной Пруссии, которые стали территорией Польши. И они с этой точки зрения будут правы.

Я ни в коем случае не говорю о том, что Москва должна предложить Польше обсудить, например, наш (Советского Союза) вклад в восстановление Варшавы. Об этом я еще расскажу на страницах этой книги. Нет, речь идет принципиально о другом. На все подобные польские вызовы нужно отвечать максимально жестко. Надо показывать договор и задавать принципиально простой вопрос: кто конкретно сорвал выполнение его условий?

И еще один момент. Главной пострадавшей стороной в результате неисполнения Польшей Рижского договора оказалась Белоруссия. Да, та самая республика, которая по формальному признаку в переговорном процессе вообще не участвовала. Потому что именно белорусский язык, белорусские школы и белорусская культура подверглись очень жесткой полонизации. О том, как происходил этот процесс, я расскажу опять же на страницах этой книги на примере Русской православной церкви, чтобы читатели понимали, каким подлинно «демократическим» государством была вторая Речь Посполитая. Здесь же принципиально важно иное — белорусы по этому поводу полякам ничего не сказали. И поляки во всех разговорах про Рижский мир фактор Белоруссии тоже не упоминают. Почему? Потому что если поднять документы, то может получиться еще хуже. Тогда у современного западного обывателя могут возникнуть дополнительные вопросы, а этого Варшаве категорически не хочется. Ведь если начать рассказывать, мало никому не покажется. Слишком много всего происходило на территории Польши вопреки соглашениям, закрепленным Рижским мирным договором. И еще неизвестно, кто кому должен будет оплачивать золотом ущерб.

Глава 3. Уничтоженная церковь: судьба храмов РПЦ в Польше

Маршал Пилсудский патологически ненавидел Россию и страшно боялся, что рано или поздно последствия революции и Гражданской войны будут преодолены и Россия снова станет великой державой. Соответственно, нужно было всеми возможными способами ограничивать потенциальное влияние нашей страны. Помимо политических шагов Пилсудский, заручившись поддержкой римско-католического духовенства, предпринял целый ряд мер, как бы мы сегодня сказали, в общественно-гуманитарной сфере. Прежде всего это относилось к православной вере.

Уже в 1919 году, задолго до событий, которые войдут в историю нашей страны как «безбожная пятилетка Емельяна Ярославского», Пилсудский провел насильственную кампанию по захвату православных храмов и монастырей. Церкви разрушались, опечатывались, имущество разграблялось. Напоминаю: это 1919 год — в стране идет Гражданская война, и вопрос о судьбе церкви явно не стоит на первом месте.

22 октября 1919 года издается распоряжение № 25 о ревиндикации, в соответствии с которым православные церкви возвращались прежним владельцам, передавались в собственность Римско-католической церкви, местных властей или уничтожались. Прихожан насильно обращали в новую для них веру; священников в лучшем случае изгоняли. Только за один 1919 год у православной церкви отняли 497 храмов.

Духовенство выгоняли на улицу, в зданиях храмов организовывали школы — польские, разумеется. Всего за 10 лет, то есть с 1919 по 1929 год, у Русской православной церкви было отобрано 45 % храмов. Цифра запредельная. Многие сегодня знают о тех страшных гонениях на церковь, которые происходили в нашей стране. Но мало кому известно, что на территории Польши этот процесс был еще более жестоким. Что характерно, Запад не видит в этом никакой проблемы.

Четверо из шести находившихся на территории Польши православных архиереев были арестованы. Трое из них были высланы в Чехословакию, четвертый был заточен в монастырь. Главным результатом этой кампании стало провозглашение условной автокефалии православной церкви в Польше.

В принципе, поляки не скрывали своих целей. На государственном уровне было заявлено, что нужно разорвать связь местной православной

церкви и Московского патриархата. Еще в конце 1918 года польское правительство издало специальный «Декрет об отчуждении для нужд колонизации и земельной реформы церковных земель», в соответствии с которым все имущество, принадлежавшее православной церкви, переходило под государственное управление. В частности, Русская православная церковь потеряла порядка 20 000 га земельных угодий.

Процесс отделения церкви проходил при участии Константинопольского патриархата, который, что греха таить, делал это небескорыстно. Он получил, как бы мы сегодня сказали, взятку от польского руководства. И разумеется, эти деньги нужно было отрабатывать.

Кампания по захвату храмов была крайне негативно воспринята православной общественностью, происходили даже столкновения. Все они были достаточно жестко подавлены.

Из семинарий были изгнаны те преподаватели, которых подозревали в русофильстве.

В результате появилось новое поколение духовенства, воспитанное уже в другой традиции. Оно пользовалось абсолютной поддержкой польских властей. Дошло до того, что в середине 30-х годов эти так называемые православные поляки начали переводить богослужебные тексты на польский язык. Большого издевательства в принципе представить невозможно. Даже в нашей стране, где, казалось бы, руководители коммунистической партии не питали никаких теплых чувств к религии, никому в голову не пришло переложить тексты богослужения, скажем, в соответствии с канонами марксизма и ленинизма.

Продолжался процесс изымания храмов. В 1929 году у Русской православной церкви отняли 718 храмов. Некоторые из них вернули католикам, остальные передали местным властям. Как местные власти ими распорядились, несложно догадаться.

Во многих храмах в прямом смысле слова устроили свинарники — очевидно, в назидание русскому населению. Параллельно всеми возможными силами насаждалась Уния^[1]. Например, в 1937 году в приграничной полосе ксендзы при помощи пограничников и полицейских организовали так называемое движение по возвращению православных к вере отцов. Тысячи русских под жесточайшим давлением и угрозой выселения были вынуждены подписать заявление о добровольном переходе в католицизм. В нашей стране об этом было мало известно, поскольку и у нас православная церковь тогда подвергалась гонениям.

Когда мы негодуем по поводу гонений на Русскую православную церковь, которые происходили в 30-х годах в нашей стране, мы, вне всякого

сомнения, правы. Но в случае с Польшей мы ни о чем не говорим просто потому, что даже не знакомы с теми процессами, которые там происходили.

А ведь поляки в 30-х годах добились, можно сказать, выдающихся успехов в искоренении православия и вообще всей русской традиции. Главным инструментом для этого служила школа. Язык обучения, преподавание предметов, настрой преподавателей — все было направлено на уничтожение всего русского. Русским детям Закон Божий преподавался только на польском языке. В учебниках истории Россию, ее прошлое, ее культуру поливали грязью буквально на каждой странице, и во многом здесь поляки даже переплюнули Третий рейх. Я видел немецкие учебники истории той эпохи, но такого абсолютно негативного, презрительно-глумливого отношения к нашей стране там не было. Что для немцев, которых воспитывали в традиции национал-социализма, было дикостью, для Польши того времени было абсолютно нормальным.

Однако поляки решили не останавливаться на достигнутом и ликвидировать лишние православные церкви. В мировую историю это событие вошло как кампания по разрушению церквей. Разобрали и уничтожили сотни храмов, в том числе те, которые были сооружены в XII–XV веках. Большого варварства представить себе невозможно. Известный эмигрантский публицист Иван Лукьянович Солоневич так описал эти события:

«Ко всей трагической судьбе Польши и католичество приложило свою страшную руку: при Пилсудском, в сущности, совершенно так же, как и при Вишневецких, все инаковерцы, диссиденты, в особенности православные, казнями и пытками загонялись в лоно католической церкви, сжигались православные храмы (за два года до Второй мировой войны их было сожжено около 800), и в восточных окраинах возникла лютая ненависть против тройных насильников: насильников над нацией, экономикой и религией».

Это пишет, подчеркиваю, эмигрантский публицист. Я критично отношусь к творчеству Солоневича, но эта цитата более чем справедлива. Солоневич еще достаточно мягко описал то, что происходило. Ему вторит бывший главнокомандующий вооруженными силами на юге России генерал Деникин:

«Поляки начали искоренять... всякие признаки русской

культуры и гражданственности, упразднили вовсе русскую школу и особенно ополчились на русскую церковь. Польский язык стал официальным в делопроизводстве, в преподавании Закона Божьего, в церковных проповедях и местами в богослужении... Началось закрытие и разрушение православных храмов: Варшавский собор — художественный образец русского зодчества — был взорван; в течение одного месяца в 1937 году было разрушено правительственными агентами 114 православных церквей — с кощунственным поруганием святынь, с насилиями и арестами священников и верных прихожан».

На Западе предпочли, в принципе, не замечать того, что происходит в Польше, заявили, что решение вопросов вероисповедания и принадлежности церквей — это ее внутреннее дело...

Синод Русской православной церкви написал гневное письмо ведущим мировым правительствам, в том числе Ватикану, с просьбой оказать какое-то влияние на чудовищную политику Польши. Разумеется, никакого ответа не последовало.

Апогеем всего этого процесса лично я считаю уничтожение в июле 1926 года кафедрального собора Александра Невского в Варшаве. Сегодня об этом соборе вообще никто толком ничего не знает, поэтому давайте проведем небольшой исторический ликбез.

Идея возведения такого крупного собора (подразумевалось, что он будет одним из самых больших православных храмов на территории Европы) возникла во время царствования Александра III. Генерал-губернатор Польши Ромейко-Гурко написал специальную записку о том, что нужно построить в Варшаве храм, который был бы способен вместить по меньшей мере десятую часть всех православных. Этот храм должен был символизировать господствующее положение церкви в русском государстве, ну и, конечно, служить внешнеполитическим целям, подчеркивая величие страны. Александр III, разумеется, одобрил этот проект и даже отметил, что храм, выполненный в греко-романском стиле, будет замечательно гармонировать с архитектурой древней Варшавы. В августе 1893 года создается специальный комитет по строительству храма, и уже спустя год состоялась торжественная его закладка. Собор стал самым высоким на тот момент зданием в городе. Деньги на строительство собирали по всей нашей стране. В основном это были частные пожертвования. Небезызвестный Иоанн Кронштадтский передал 135 тысяч рублей; значительную часть суммы на строительство выделила

императорская семья. 20 мая 1912 года, то есть уже во время царствования Николая II, происходит освящение храма, и архиепископ Варшавский Николай говорит о том, что его создатели не имели в своих мыслях ничего враждебного к окружающему нас инославию, что насилия никогда не было в природе православия и в этом храме будет возноситься молитва о мире, исходить слова любви, прощения и примирения, но не вражды, лукавства и любомщения.

Обратите внимание, это говорит священник Русской православной церкви. Конечно, он тогда не подозревал, что пройдет 14 лет — и крупнейший храм будет варварски взорван поляками.

Польских правителей, движимых своей абсолютной русофобией, раздражала 70-метровая колокольня, угнетало то, что в храме было три престола — главный во имя Александра Невского и боковые во имя Николая Чудотворца и во имя Кирилла и Мефодия. 14 колоколов на звоннице, удивительные по своей красоте мозаичные композиции Васнецова, 10 тысяч произведений и предметов всемирного исторического культурного наследия, над которыми работали лучшие мастера России того времени. Конечно, польским националистам это, мягко говоря, не нравилось.

В соборе отмечались важнейшие торжества той эпохи: сто лет Отечественной войны — победы над Наполеоном; 300 лет правящему дому Романовых.

В свое время Иоанн Кронштадтский заметил, что окончится действие собора сразу с окончанием господствования России в Польше. К огромному сожалению, его слова оказались пророческими. Храм просуществовал всего три года. Уже в 1915-м занявшие Польшу немцы устроили там гарнизонный храм в честь святого Генриха. Из собора были растащены иконостас, колокола и все ценные предметы утвари. В 1916 году там произвели первое богослужение по католическому канону. В 1918-м было принято решение о сносе всех православных церквей в Варшаве. И, конечно же, собор Александра Невского входил в этот перечень.

Общественность была крайне недовольна происходящим. Раздавались голоса, что надо не уничтожать храм, а напротив — сохранить и сделать на его территории музей мученичества польского народа. И не придется даже ничего ремонтировать и восстанавливать, пускай этот наполовину разрушенный собор будет вечным напоминанием потомкам о том, как угнетали поляков, как мешали им жить на протяжении столетий.

Но у руководства Польши был совершенно иной взгляд. Было принято решение поставить на этом месте памятник князю Юзефу Понятовскому —

участнику нашествия Наполеона на Россию.

Надо сказать, что уничтожить такой большой храм было непросто. Потребовались значительные средства. Всего, по подсчетам варшавских журналистов того времени, было осуществлено более 15 тысяч малых взрывов, чтобы разрушить храм. Работы по сносу завершились в июле 1926 года. К огромному сожалению, выдающееся наследие русских мастеров, которое украшало собор, по большей части безвозвратно утрачено. Отдельно уцелевшие мозаичные полотна Кошелева были в 1931 году перевезены в православный храм Покрова Пресвятой Богородицы в Барановичах. Что-то оказалось в варшавских музеях. Мрамор использовался в католических храмах. Отдельные фотографии, описания современников, конечно, не способны передать всю эту красоту.

История собора Александра Невского не является частным случаем. Можно вспомнить еще уничтоженный собор во имя воздвижения честного креста Господня в Люблине и многие-многие другие храмы.

Только за 1938 год было уничтожено более 150 сельских православных церквей. Подобного акта вандализма цивилизованная Европа в XX столетии, пожалуй, не знала. Если, конечно, не считать того, что происходило в годы Великой Отечественной войны на оккупированных немцами территориях Советского Союза. Но там-то многие вещи скрывались, а здесь, напротив, все делалось демонстративно.

С той поры прошло 80 лет. Никакого осмысления тех событий, ни тем более какого-то покаяния перед Россией за это преступное варварство не последовало. И нет никаких сомнений, что не последует никогда, потому что для поляков все это было абсолютно естественным продолжением их вечной русофобии. И прискорбно, что мы сами сегодня молчим об этих событиях. О них нужно говорить, потому что молчание воспринимается многими как согласие с подобного рода политикой. А это, на мой взгляд, абсолютно недопустимо.

Глава 4. Почему не вспоминают сегодня «Прометей»?

Буквально с первых дней, как было сформировано польское правительство и появилось новое государство на карте Европы, руководители Польши стремились уничтожить советскую власть. Пилсудский и его сторонники активизировали разведывательно-диверсионную работу, постоянно готовились к интервенции, зондировали почву, не собираются ли западные страны принять участие в очередном «крестовом походе» против большевизма, параллельно делая ставку на то, что СССР, возможно, развалится сам собой. Поляки искренне полагали, что идеи интернационализма никогда не будут привиты столь разным народам, входившим в состав Советского Союза.

Один из сподвижников Пилсудского, генерал Стахевич, достаточно популярно изложил позицию Польши:

«Целью, на достижение которой направлены наши усилия, является будущее национальное государство на востоке, их появление будет историческим последствием слома силы Советов, но в то же время может явиться элементом укрепления мощи державы Польской».

Обратите внимание, если в этой цитате поменять слово «Польша» на «Германия», то под ней мог бы подписаться канцлер Третьего рейха Адольф Гитлер или рейхсминистр народного просвещения и пропаганды Йозеф Геббельс, не говоря уже о главном партийном теоретике НСДАП Альфреде Розенберге. Между тем эти слова были сказаны в начале 20-х годов. Еще никакого НСДАП у власти нет, а вектор — «будущее национальное государство на востоке», «элемент укрепления мощи» — в европейской политике уже присутствует.

И не надо думать, что Стахевич занимался самопиаром, а Пилсудский, будучи руководителем Польши, придерживался совершенно других взглядов. Это абсолютная ерунда. Вот слова самого маршала: «Расчленение России лежит в основе польских государственных интересов на востоке. Именно это позволило бы Польше стать великой державой, заменив в Восточной Европе Россию». Чем они отличаются от высказываний Гитлера? Разумеется, сегодня тактичные поляки предпочтут об этом

вообще не вспоминать.

Вы, наверное, не сильно удивитесь, если узнаете, что одной из первых стран, официально признавших Третий рейх и, соответственно, давших нацистскому государству дополнительную легитимизацию на международной арене, была Польша. Поляки прекрасно понимали: пришел Гитлер, который с удовольствием будет сражаться с большевиками, и если удастся создать тактический польско-германский союз, то большевистская Россия будет уничтожена. Никто из польских руководителей, строивших такие теории, не мог предполагать, что произойдет 1 сентября 1939 года.

Пилсудский считал, что Польше необходимо укреплять независимость ради собственных политических интересов, а главное — сотрудничать со всеми возможными врагами России, чтобы, не дай бог, не вернуться в ее состав. Это был едва ли не основной вектор политики радикальных польских националистов. Впрочем, польский национализм возник задолго до Октябрьской революции.

Еще до Первой мировой войны Пилсудский на деньги польского генерального штаба создавал в Галиции специальные разведывательные школы. Курсантов обучали военному делу, технике разведки и диверсии в тылу противника (то есть Российской империи). Выпускники этих разведывательных школ заняли не последние места в новом польском государстве. Полученный ими опыт надо было каким-то образом использовать.

Поэтому при Втором отделе Генерального штаба Польши и при непосредственном участии и руководстве самого Пилсудского в 1928 году была создана специальная организация (клуб), которая получила название «Прометей»^[2]. Главная цель «Прометея» — сплотить всех оказавшихся в эмиграции националистов из бывшей Российской империи. Откуда они родом — из русского ли Туркестана, Закавказья, Украины, Белоруссии, Северного Кавказа, Дона, Кубани — не имело абсолютно никакого значения. Поляки искали союза с многочисленными эмигрантскими правительствами, которые расположились на территории Европы. Но только не с теми русскими эмигрантами, которые жили под девизом «Единой великой неделимой России» и к любому сепаратизму относились с глубочайшим презрением и даже ненавистью.

Среди задач «Прометея» — поддержка всех оппозиционных сил в СССР посредством военных диверсий, засылки на близлежащую Украину банд, помощь басмаческому движению в Средней Азии. Поразительно: организация, которая, по сути, стала символом Второй Речи Посполитой, сегодня абсолютно никому не известна. А все потому, что во многом она

повторяет идеологию Третьего рейха, которая была осуждена на международном военном трибунале в Нюрнберге.

Название «Прометей» предложили грузинские политические эмигранты. Наверное, все знают знаменитый античный миф о Прометее, борце за свободу, которого боги приковали к скалам Грузии и обрекли на вечное страдание. Грузия и все остальные борцы против России — это такой коллективный Прометей, а поскольку Прометея освободил Геракл, то под Гераклом теперь подразумевалась Польша. Как быстро грузинская политическая эмиграция забыла про все, что связывало ее с Россией!

Руководство Польши решило использовать идею расчленения СССР на национальные государства, надеясь, что большая их часть попадет в зависимости от Варшавы и можно будет диктовать им свои условия. Ради этого была применена уже обкатанная схема разведывательно-диверсионной работы. Несмотря на подписанный Рижский мирный договор, Польша всеми силами проводила эту тайную деятельность.

В Москве, конечно же, знали и о «Прометее», и о деятелях национальной эмиграции, которые туда входили.

Периодически в СМИ звучит мнение, что Пилсудский был вообще не в курсе всего того, что происходит с «Прометеем». Дескать, он занимался большой международной политикой, а в такие незначительные мелочи не вдавался. На самом деле это не так. Да, конечно, официально всем руководил генерал Стахевич, глава Военно-исторического бюро, однако он регулярно докладывал Пилсудскому о том, как происходит эта тайная подрывная работа.

В 1929 году «Прометей» получил официальное название: экспозитура № 2 отдела Генерального штаба Польши.

Экспозитура открывала клубы «Прометей» везде, где были политические эмигранты из бывшей Российской империи: Париж, Хельсинки, Харбин — и всюду аншлаги. Потому что за это хорошо платили. У «Прометея» было и свое собственное средство массовой информации — журнал «Прометей». Он должен был консолидировать вокруг клуба всех возможных противников советской власти, а еще занимался последовательным продвижением антисоветских и русофобских взглядов среди европейских обывателей. Напоминаю, что это все происходило в конце 20-х годов. Еще никакого Гитлера у власти нет. Еще НСДАП — это локальная политическая партия с неочевидными перспективами. А риторика, которая в дальнейшем будет официально закреплена за Третьим рейхом, уже используется активнейшим образом, и все в Европе прекрасно понимают, что главный противник большевиков —

это Польша.

По мере укрепления Советского Союза экспозитура должна была поменять свое название и тактику. Требовались и более серьезные кадры, причем новых агентов на время надо было законсервировать, чтобы они не попали в поле зрения советской контрразведки раньше срока, назначенного для национального восстания на территории СССР.

Само восстание, судя по документам «Прометей», должно было произойти только после начала войны. Планировалось, что Польша вместе с Германией нападут на Советский Союз — и тут же всюду вспыхнут восстания националистов.

Помимо клуба «Прометей» существовал Комитет дружбы французской столицы. Сейчас, наверное, многие подумали, что там собирались деятели культуры, искусства, интеллектуалы, обменивались опытом, о творческих планах рассуждали... Ничего подобного. В Комитет дружбы входили политэмигранты из бывшей Империи, это был чуть ли не главный центр всей русофобии в Европе. Тем более что действовать ему было невероятно просто: надо было всего лишь ретранслировать указания из Варшавы.

В 1926 году в рамках «Прометей» правительство Польши создает так называемый Восточный институт, который четыре раза в год выпускал журнал «Восток». В нем регулярно печатались лучшие польские интеллектуалы-руссофобы. Разумеется, бóльшая часть материалов была именно про «Прометей», про то, что молодежь должна расти в правильном национальном русле и т. д. Параллельно издавался «Бюллетень польско-украинских отношений».

Ну и, конечно, «Прометей», яро шовинистическая организация, не могла обойти своим вниманием Третий рейх. Гитлера они воспринимали как равнозначного союзника, с которым можно будет договориться и организовать «крестовый поход» против СССР.

Существует интересный документ, датированный январем 1939 года. Письмо в Берлин из польского генштаба представителю той самой экспозитуры:

«Скоро должно дойти дело до вооруженной войны Германии с Россией. Теоретически — не более чем более двух лет, но если подвернется благоприятный случай, то это все может произойти раньше. Германия, имея против себя единый фронт евреев, масонов, социалистов и демократов, евангелистов и католиков, знает, что без участия или, по крайней мере, тайной поддержки со стороны Польши ликвидировать дело большевиков невозможно».

И когда сегодня поляки рассказывают, что все они — невинные жертвы тоталитарной деспотии, то есть Советского Союза, что теперь и Россия должна платить и каяться, стоит напоминать им про этот замечательный документ. Мало кто оказывал Третьему рейху такую интеллектуальную поддержку, как поляки, предложив, по сути, всех сотрудников «Прометея» ему в помощь.

В 1936 году Варшавский клуб — центр всей деятельности — проводит так называемую языковедческую конференцию, на которую были приглашены и представители Третьего рейха. Разумеется, речь шла все о том же: как развалить Советский Союз по национальному признаку. Лучшие деятели «Прометея», лучшие агенты о чем-то договариваются с немцами, а потом отправляют результаты своих переговоров в Лигу наций по дипломатическим каналам. Вот это подлинная деятельность «Прометея». Но эту историю поляки постараются забыть. Не дай бог, кто-то вспомнит про экспозицию. О том, как взаимодействовали со спецслужбами Латвии, Литвы, Эстонии, Финляндии, как помогали в разжигании там антисоветских и антирусских настроений, как инструктировали коллег из Румынии, Венгрии, Чехословакии, Афганистана и Ирана. Всем, кому только можно, сотрудники «Прометея» оказывали поддержку — интеллектуальную, теоретическую, во многих случаях финансовую.

«Прометей» умудрился стать чуть ли не главным мировым спонсором русофобии. Даже внук имама Шамиля, который имел контакты с немецкой разведкой и вообще хотел создать независимый магометанский Кавказ, оказался в поле зрения «Прометея».

Участники «Прометея» постоянно выражали свою любовь и симпатию к новой Германии, к новому мировому порядку, не зная, что пройдет еще несколько лет — и Польша будет оккупирована немцами, превратится в генерал-губернаторство. До сих пор очень многие польские псевдоинтеллектуалы сожалеют о том, что тогда не получилось договориться с Гитлером.

Нам все время рассказывают: мало ли что было в прошлом, все это абсолютно неважно. Страны уже давным-давно живут иначе. Согласен. Страны действительно давным-давно живут иначе. Но вот интересный момент: Украина и Грузия как были 80 лет назад главными целями прометеизма, так и остаются ими до сих пор. Обратите внимание, с каким усердием нынешнее польское руководство обрабатывает эти два направления. И это не случайность. Это последовательная реализация плана «Прометей».

События последних лет нагляднейшим образом показывают, что «Прометей» вовсе не стал частью прошлого. Он был, есть и еще, я думаю, долго будет основой внешней политики Польши. Да, сейчас он, наверное, называется по-другому. Но современная польская политика демонстрирует абсолютную преемственность с политикой 1920–1930-х годов. Те же самые объекты для пропаганды, те же самые заявления. Все ради того, чтобы уничтожить теперь уже Российскую Федерацию, чтобы на ее месте образовалось 8 или 9, а может быть, и 15 стран. Никто в мире не призывает поляков платить и каяться за то, что делал «Прометей», по той лишь причине, что никто о нем толком ничего не знает.

Давным-давно закрыты клубы в Париже, Хельсинки, Харбине. Умерли уже внуки создателей «Прометей». А идеи до сих пор живы. И с этими идеями теперь предстоит бороться нам с вами. Потому что выбора-то у нас нет: либо мы будем противодействовать плану «Прометей», либо работа будет усиливаться — и ставка на развал страны по национальному признаку выигрывает.

Глава 5. Во всем ли виноват тот самый «Пакт»?

Наверное, самая раскрученная тема во всей истории российско-польских отношений — это заключение договора о ненападении между СССР и Германией, так называемого пакта Молотова — Риббентропа. Она постоянно фигурирует в информационном пространстве последние лет 20, причем поляки умудрились извратить абсолютно все: не только свою историю (это в конце концов внутреннее дело Речи Посполитой), но и почти всю историю и практику международных отношений того времени.

Дело в том, что сам по себе договор нужно рассматривать в общем контексте тогдашней европейской политики. Но его все время из этого контекста вырывают. Получается парадоксальная картина: будто бы в Европе в 30-х годах никто никаких международных договоров в принципе не заключал. И вдруг в августе 1935 года СССР и Германия подписывают договор, который перевернул мир и вверг сначала Европу, а потом и весь земной шар в мировую войну. Кто во всем виноват? Естественно, Гитлер, напавший на Польшу 1 сентября 1939 года. Ну, и Советский Союз, ведь если бы не СССР, то Гитлер бы не напал. Это абсолютно иезуитская логика, но она пользуется чрезмерной популярностью у поляков.

Существует определенный ряд претензий, которые чаще всего предъявляют СССР (а теперь и России) в связи с пактом Молотова — Риббентропа. О каждой из них можно написать небольшую монографию, и все равно (я убежден) это никому ничего не докажет, особенно в Польше. Зачастую даже российские общественные деятели вдруг начинают воспроизводить польские теории, не отдавая себе отчета, что они говорят и, самое главное, что все это означает. Поэтому российским и даже зарубежным нашим читателям полезно хотя бы кратко пройти по узловым моментам всей этой истории, чтобы понимать, что к чему.

Итак, пункт номер один обвинения очевиден: два бесчеловечных, садистских режима — Третий рейх и Союз Советских Социалистических Республик, разумеется, были обречены на тесное сотрудничество. Возглавлявшие их Гитлер и Сталин люто ненавидели весь остальной мир, мечтали о вселенском господстве и ждали, когда же судьба соблаговолит их свести, чтобы они пожали друг другу руки и начали делить Европу. Для этой цели и потребовалось подписание пакта Молотова — Риббентропа. Подкрепляют эту теорию обычно гениальным тезисом: товарищ Сталин ненавидел весь Запад, презирал западные демократии и мечтал их

сокрушить, по этой причине он в принципе не стремился подписывать какие-либо договоры с Западом. Вся советская внешняя политика была ориентирована исключительно на тоталитарный Третий рейх. В качестве доказательства вспоминают судьбу англофила Литвинова. Сталина, мол, сильно раздражало его англофильство, поэтому на место Литвинова назначили абсолютно беспринципного Молотова, который быстренько оформил договор с Третьим рейхом.

Тут остается только развести руками. Конечно, подлинные факты эта теория использует. Литвинов действительно был англофилом, действительно выступал за развитие отношений с Англией. Но на этом все и заканчивается.

Вообще во всем мире на тот момент вы не найдете более последовательного и принципиального противника нацизма и фашизма, чем Советский Союз. Откройте советские газеты начала 1930-х годов. Да у нас вся страна ненавидела нацизм! Вся страна говорила о том, что фашизм — злейший враг пролетариата, что он должен быть остановлен. Писали, что Гитлер обязательно развяжет мировую войну, поскольку Германия является главной жертвой Версальской мирной системы, а эта мирная система, согласно Ленину, — динамит послевоенного устройства.

В декабре 1933 года Москва предлагает Варшаве подписать совместную декларацию о неизблемости границ Латвии, Эстонии и Литвы. Для чего это требовалось? Для того чтобы не было общей границы у Советского Союза и Германии, чтобы Третий рейх во главе с канцлером Адольфом Гитлером не напал на Советский Союз.

Разумеется, Польша на наше предложение не согласилась, ведь она традиционно смотрела в сторону Германии и вовсе не собиралась заключать какие-либо договоры с Советским Союзом. В глубине души поляки рассчитывали вместе с Германией сокрушить ненавистные азиатские орды большевиков.

В мае 1934 года Франция предлагает подписать Восточный пакт — так называемый договор о ненападении всех стран Восточной Европы плюс Советский Союз и Германия. Москва в лице Сталина согласна. Вы, наверное, не удивитесь, но мирное предложение Парижа было проигнорировано Варшавой, и подписание не состоялось. При этом Варшава провела дипломатические консультации с Германией.

За последние годы о чудовищной международной политике Советского Союза в целом и агрессивных намерениях нашей страны в отношении Польши было сказано немало. Но ни один из польских политиков ни единым словом не обмолвился о Восточном пакте.

Действительно, зачем об этом вспоминать? Ведь если начать копать эту историю, то всплывут факты, о которых мы только что сказали, и встанет вопрос: кто и почему не согласился подписывать документы, цель которых — обеспечить стабильность и спокойствие в Европе?

1938-й год. Советский Союз предлагает созвать международную конференцию, чтобы не допустить новой мировой войны. После событий в Испании, когда весь мир увидел, на что способен легион «Кондор»^[3], а призывы к войне в той же Германии стали раздаваться все громче, нужно было экстренно принимать какие-то меры. Если не начать немедленно договариваться, в Европе разразится еще одна война — и она будет уже совершенно другой, не похожей на Первую мировую. Однако опять никто нашу инициативу не поддержал. Великобритания против, потому что, по ее мнению, международная конференция подобного рода может расшатать ситуацию в Европе. Напомню, это 1938-й год. До Мюнхенского сговора остается всего ничего. Разумеется, Польша тоже категорически против — там еще не оставляют надежд договориться с Германией.

30 сентября 1938 года Англия, Франция, Италия и Германия заключили соглашение о передаче Германии Судетской области, принадлежавшей Чехословакии (тот самый Мюнхенский сговор). В этот же день Великобритания и Германия подписывают декларацию о ненападении, а несколько позже, 6 декабря 1938 года, подобный документ подписывают Франция и Германия.

Тем не менее Москва считает, что шанс избежать рокового развития событий еще есть. И продолжает призывать к переговорам. В апреле 1939 года Москва предлагает Лондону и Парижу заключить договор, касающийся взаимной помощи и поддержки стран Восточной Европы в случае, если начнется новая мировая война. К сожалению, эти инициативы опять были проигнорированы. Никто на Западе не собирался трезво смотреть на вещи: все искренне полагали, что мировой войны не будет, потому что свежи в памяти роковые события Первой мировой и никто не хочет их повторения. На Западе думали, что с Германией можно договориться, тем более что она озвучила свою антибольшевистскую позицию. Сталина в Лондоне и Варшаве, мягко говоря, не любили. А на то, что в Германии уничтожают евреев, можно просто закрыть глаза. Цель-то главная какая? Чтобы не было войны и чтобы Советский Союз не чувствовал себя великой державой.

Получив очередной отказ от Великобритании и Франции по мирным переговорам, в СССР принимают решение договариваться с Германией. Другого варианта, по сути, уже просто не осталось.

Многие, а Польша в первую очередь, высказывают мысль, что, дескать, это все это абсолютная ерунда и сталинская ложь. Мол, изначально с момента прихода Гитлера к власти Москва и Берлин только и делали, что двигались навстречу друг другу и готовились нанести Польше предательский удар с двух сторон. Этот миф появился, когда существовало Польское правительство в изгнании, и активно тиражировался все послевоенные годы. После развала Советского Союза и распада Варшавского блока эта теория стала едва ли не доминирующей в общественном сознании поляков: Польша — жертва подлейшего сговора в мировой истории. Поляков не смущает даже то, что информация из рассекреченных советских и немецких документов 30-х годов несколько противоречит их теории.

Помимо пакта нам ставят в вину «Генеральное соглашение между НКВД и гестапо по борьбе с международным еврейством». Подавляющее большинство поляков убеждено, что этот договор подлинный — иначе и быть не может, поэтому вина Советского Союза доказана, а Россия как правопреемница СССР должна покаяться перед Варшавой. Но если бы те, кто рассказывает нам про это соглашение, хотя бы один раз прочитали внимательно его текст, они поняли бы, что перед ними грубая фальшивка, изготовленная в 1990-е годы. Но им гораздо проще и выгоднее рассуждать об очень сложной теме, оперируя одним лишь названием документа. Действительно, оно звучит громко, дальше даже читать не нужно: любому нормальному человеку уже противно, потому что подписать договор с гестапо означает в том числе взять на себя ответственность за многочисленные преступления против человечности, которые совершила тайная полиция Третьего рейха.

Но прежде чем посыпать голову пеплом, стоит изучить этот документ и обратить внимание хотя бы на то, что со стороны Третьего рейха соглашение подписано начальником четвертого управления Главного управления имперской безопасности Национал-социалистической рабочей партии Германии бригадефюрером СС Мюллером. И дата стоит: 11 ноября 1938 года. Казалось бы, и партия такая была, и «папаша Мюллер» присутствовал, и Главное управление имперской безопасности имелось. Дьявол, как всегда, кроется в деталях: тайная полиция — гестапо — стала четвертым управлением Главного управления имперской безопасности только в сентябре 1939 года. Согласимся, что едва ли кто-то годом ранее мог подписывать международный документ о сотрудничестве от лица несуществующей организации. Не говоря уже о том, что Мюллер на тот момент был лишь штандартенфюрером СС. И — вишенка на торте — он

тогда еще не возглавлял гестапо. Даже если допустить, что Мюллера повысили в чине тайным приказом и никто об этом не был извещен, а сам он заранее знал, что через год возглавит четвертое управление, то существует еще один маленький нюанс, который лишней раз доказывает, что это генеральное соглашение — грубейшая фальшивка. Дело в том, что в момент его подписания Мюллера в Москве не было. В те дни как раз происходили печальные события Хрустальной ночи^[4] — и он находился в Берлине.

Имеются и гораздо более занимательные доказательства абсолютной лживости этой мерзкой теории про генеральное соглашение. Дело в том, что с советской стороны его подписал руководитель секретариата Народного комиссариата внутренних дел Степан Соломонович Мамулов. Однако на момент предполагаемого подписания он тоже находился не в Москве. И не в Берлине, как кто-то мог бы подумать. Он был в Тбилиси и руководил хозяйственным отделом ЦК Грузии. Мамулов приедет в Москву в январе 1939-го. Ну, а самое главное — Степан Соломонович возглавил секретариат НКВД только в августе 1939 года. Разумеется, это не секретные данные — они были опубликованы еще в начале 1990-х. Авторы фальшивки и в первую очередь те польские политики и публицисты, которые активнейшим образом ее пропагандируют на весь мир, могли бы поинтересоваться этими подробностями. Тогда не пришлось бы краснеть лишней раз.

И наконец, нас обвиняют в том, что мы уничтожили гордую и независимую Польшу, расширив за ее счет свою территорию.

Обычно поляки говорят следующее: «Мы были первыми жертвами кровавой сталинской деспотии в 1939 году, а следом закатали несчастных прибалтов». О Польше мы еще поговорим. Давайте сначала разберемся с Прибалтикой. Во всех трех балтийских странах, то есть в Латвии, Литве и Эстонии, у власти находились «правые», которые проводили политику в том же векторе, что и германские национал-социалисты. Более того, все эти айзсарги, «Огненные кресты» и прочие военизированные организации во время Великой Отечественной войны покажут себя «в деле», истребляя евреев.

Глядя на карту, вы очень быстро определите, что от Прибалтики до Ленинграда не так далеко. И если эти земли перейдут под контроль Германии, это будет означать прямую военную угрозу. Почему, собственно говоря, сегодня, в XXI веке новости из «стран Балтии» о том, что они приглашают к себе контингент НАТО и готовы разместить у себя американских десантников, вызывают в России, мягко говоря,

обеспокоенность? Да потому, что мы через все это уже проходили. Мы уже знаем, по какому маршруту, случись что, будет двигаться эта армия. Понятно, что война в XXI веке не будет такой, какой она была в минувшем столетии. Но наша история показывает, что всегда надо отслеживать некие закономерности в отношении Запада к нам.

Советскому Союзу необходимо было предпринимать какие-то действия. И товарищ Сталин постарался этот вопрос решить. Прежде всего он хотел добиться нейтралитета Прибалтики. Все 30-е годы наше внешнеполитическое ведомство (Народный комиссариат иностранных дел) пыталось подготовить и подписать совместные договоры с тремя балтийскими странами. Но результат был нулевым, потому что они эти договоры подписывать не собирались.

Договор о ненападении между Советским Союзом и Германией вовсе не являлся исключительным с точки зрения международного права 30-х годов. Наоборот, это совершенно стандартная процедура. У Германии был такой договор с двумя балтийскими странами, а у Советского Союза — с Польшей. При этом ни один из нынешних варшавских деятелей, будь то политики, политологи, общественные деятели, никогда не скажет, что договор между СССР и Польшей нарушал международное право. Они вообще про этот договор не вспоминают.

В марте 1939 года Польша и Великобритания заключили договор о взаимопомощи в случае агрессии «одной из европейских держав», то есть Германии. В чем его суть? Страны договорились о том, что если на Польшу будет совершено нападение со стороны Германии, то Великобритания окажет помощь и, соответственно, нападет на Германию. Польские политологи, конечно, скажут, что этот договор с Великобританией прозрачен и чист, как слеза младенца. Между тем к договору о ненападении между Советским Союзом и Германией прилагались еще секретные протоколы. А поскольку и Третий рейх, и Советский Союз преступны с точки зрения Варшавы, это означает, что договоры сравнивать нельзя.

Согласимся с тем, что дополнительные секретные протоколы — это часть тонкой дипломатической игры. Но скажите, а дополнительные секретные протоколы к договорам Третьего рейха с Эстонией (пакт Сельтера — Риббентропа) или Латвией (пакт Мунтерса — Риббентропа), заключенные 7 июня 1939 года в Берлине, являются частью какой-то тайной дипломатической игры или нет? Или только по отношению к Советскому Союзу необходимо использовать этот вечный жупел? А самое главное — ради чего? Ради абсолютно откровенного политического популизма. Ведь, как говорят в Польше: два тоталитарных режима

объединяются и делят Европу. А когда во время Мюнхенского сговора Польша получает часть территории Чехословакии — это как надо называть?

Ну, разумеется, ни один варшавский деятель сегодня об этом не вспоминает. Они такие, выражаясь языком Ильфа и Петрова, «застенчивые воришки». Когда Польша отняла кусок независимой на тот момент Чехословакии — это в порядке вещей, это соответствует всем признанным международным нормам, и вела она себя правильно. А ответственность за все должен нести Советский Союз, потому что он заключил договор о ненападении с Третьим рейхом. В Варшаве обычно при этом добавляют, что Советский Союз виноват, потому что через неделю после подписания договора гитлеровская Германия напала на Польшу.

Однако при этом поляки упускают один маленький нюанс. Дело в том, что впервые о необходимости ликвидировать Польское государство заговорили в Берлине еще в апреле 1939 года. На тот момент ни о каком договоре о ненападении между СССР и Германией и речи не шло. Гитлера гораздо больше интересовало, как отнесутся к возможному сокрушению Польши в Париже и Лондоне. Понятно, что сегодня в Варшаве об этом молчат, ведь если они признают, что планы уничтожения Польши появились задолго до подписания пакта Молотова — Риббентропа, то возникнет вопрос: а в чем же тогда обвинять Россию?

В Польше считают, что это все абсолютно неважно, потому что 19 августа 1939 года состоялось секретное заседание бюро ЦК ВКП(б), на котором Стали озвучил те выгоды, которые получит Советский Союз, если заключит пакт, а Германия вступит в войну с Англией, Францией и Польшей:

«...если мы примем известное вам предложение Германии о заключении с ней пакта о ненападении, она, несомненно, нападет на Польшу, и тогда вступление Англии и Франции в эту войну станет неизбежным.

При таких обстоятельствах у нас будут хорошие шансы остаться в стороне от конфликта, и мы сможем, находясь в выгодном положении, выжидать, когда наступит наша очередь. Именно этого требуют наши интересы».

То есть будет достигнута цель: империалистические хищники передерутся между собой, а СССР в нужный момент вступит в войну.

Для вечно униженной польской шляхты это звучит весьма и весьма

привлекательно. Но беда в том, что в августе 1939 года у Кремля не было абсолютно никакой уверенности, что ситуация будет развиваться именно по такому сценарию. Вне всякого сомнения, Сталин прекрасно понимал, что Польша для Гитлера столь же ненавистна, как и для советских коммунистов, но по другим причинам. Если коммунистам ненавистно было угнетение польского пролетариата, то у нацистов на повестке дня стоял земельный вопрос, например Данцигский коридор^[5]. Кроме того, в Кремле опасались, что состоится еще какой-нибудь Мюнхенский сговор и вопрос с Польшей будет решен «дипломатическим» путем. Поводов для подобных опасений было немало: еще были свежи воспоминания о событиях 1938 года, когда делили Чехословакию. Что мешало точно так же поделить Польшу? Тем более что Англия и Франция имели уже большой опыт по уговорам своих так называемых союзников. Ведь Чехословакию, по сути дела, они и уговорили не сопротивляться воле Третьего рейха.

Сегодня польские историки и политологи об этом тоже не вспоминают — у них есть гораздо более важный предмет для постоянных претензий по отношению к Советскому Союзу. По их мнению, только помощь СССР помогла сокрушить Польшу — Гитлер сам бы, разумеется, не справился. А Советский Союз еще к тому же получил Западную Украину и Западную Белоруссию.

Давайте здесь уточним ключевой момент: СССР не получил, а вернул эти территории, потому что они были отторгнуты от нашей страны в результате роковых событий Гражданской войны. Кроме того, в конце 30-х годов польская армия вовсе не считалась такой слабой. Некоторые военные аналитики тех лет расценивали ее как едва ли не сильнейшую армию в Европе. Раз польская армия была такой сильной, почему мы должны это отрицать? И наша ли вина в том, что сильнейшая армия Европы оказалась бита вермахтом в течение 17 дней?

Нет, я вовсе не злорадствую, вовсе не говорю о том, что так и надо было сокрушать польскую государственность. Я просто предлагаю объективно взглянуть на вещи. Если вы говорите о том, что вы всех сильнее, тогда этому надо соответствовать, иначе получается странно: вроде как армия самая сильная, вы об этом галдите на всю Европу, но когда дело доходит до военного конфликта, выясняется, что армия, в общем-то, не так сильна. Хотя действительно, люди героически дрались за свою родину, гибли, но остановить наступающий вермахт не могли. Слишком неравны были силы.

Но опять же возникает вопрос: а при чем здесь Советский Союз? Ах да, мы же 17 сентября 1939 года тоже вошли на территорию Польши,

совершив страшное преступление против польской государственности. О каких нормах вообще идет речь? В данном случае их четыре: Рижский мирный договор образца 1921 года, Парижский пакт Бриана — Келлога, пакт о ненападении между Польшей и СССР 1932 года и, наконец, Конвенция об определении агрессии 1933 года. Названия документов масштабны. И если не знать о том, что в них содержится, наверное, действительно надо просто посыпать голову пеплом, всей страной падать на колени и просить гордую польскую шляхту нас простить. Но как только вы откроете первый из этих документов, тут же выяснится, что каяться-то, в общем, не в чем. А Польша, мягко говоря, карты передергивает.

Начнем с основополагающего во всей этой истории документа — **Конвенции об определении агрессии**. Сегодня те поляки, которые призывают народы России покаяться за 1939 год, почему-то забывают уточнить, что этот документ был предложен Москвой, то есть Советским Союзом. В конвенции есть важнейший пункт: «Вторжение своих вооруженных сил хотя бы без объявления войны на территорию другого государства». То есть ввод войск Рабоче-крестьянской Красной армии на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии мог бы расцениваться как нарушение. Но эта конвенция, несмотря на все предложения Москвы, так и не была принята, а значит, не стала документом международного права. Произошло это благодаря позиции Великобритании и Франции. Да и Польша не горела желанием выступить за этот документ. Но это еще полбеда. Проблема состоит в том, что конвенция не может существовать сама по себе. Она должна была стать частью большого международного соглашения об ограничении вооружения. Вы, наверное, не удивитесь, если я скажу, что и соглашение не было подписано. То есть Советский Союз обвиняют в нарушении основных положений международного права, хотя эти положения прописаны в документах, которые не были приняты, и при этом предлагал их принять именно СССР.

Теперь давайте обратимся к **пакту Бриана — Келлога**, который Советский Союз нагло проигнорировал, лишь бы уничтожить польскую государственность. В нем есть пункт об осуждении войны как средства урегулирования международных споров. Замечательно. Давайте признаем, что недопонимание между Москвой и Варшавой действительно было.

Что же получается? В сентябре 1939 года Германия нападает на Польшу, начинается война, потом войну Германии объявляют Великобритания и Франция. А затем наступает 17 сентября 1939 года. Советский Союз вводит войска на территорию Западной Белоруссии, Западной Украины. Объявили Великобритания и Франция войну

Советскому Союзу за нарушение пакта Бриана — Келлога? Разумеется, нет.

Зададим вопрос посложнее: объявила ли Советскому Союзу войну Польша? Вы удивитесь, но мало того, что война Советскому Союзу не была объявлена, польская армия получила приказ категорически не вступать в боевые действия с войсками Красной армии. Иначе говоря, польское правительство тогда, в 1939 году, не расценивало ввод войск Красной армии на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии как нарушение пакта Бриана — Келлога.

Но то, что было ясно для польского правительства в 1939 году, к огромному сожалению, неочевидно для нынешних политиков, политологов и историков Варшавы. А поскольку с пактом Бриана — Келлога не очень складывается, они тут же занимают следующую линию обороны: был нарушен пакт о ненападении между Польшей и Советским Союзом 1932 года. Статья 1 этого документа гласит:

«Обе договаривающиеся стороны, констатируя, что они отказались от войны как орудия национальной политики в их взаимоотношениях, обязуются взаимно воздерживаться от всяких агрессивных действий или нападения одна на другую как отдельно, так и совместно с другими державами.

Действием, противоречащим обязательствам настоящей статьи, будет признан всякий акт насилия, нарушающий целостность и неприкосновенность территории или политическую независимость другой договаривающейся стороны, даже если бы эти действия были осуществлены без объявления войны и с избежанием всех ее возможных проявлений».

Но следует ли из процитированного фрагмента, что действия Москвы в 1939 году являются нарушением международного права?

Дело в том, что когда Советский Союз и Польша подписывали этот документ, в Москве руководствовались невероятно простой логикой. Нам нужно было, чтобы Варшава в случае возможного военного конфликта в Европе сохраняла свой суверенитет. А значит, существовала в форме некоего дополнительного щита от нападения Германии на Советский Союз. В начале 30-х годов все понимали, что если новая война в Европе будет, то, конечно, без Германии не обойдется. Потому что реваншистские силы и прежде всего немецкая Национал-социалистическая рабочая партия своего отношения к существовавшему в СССР политическому строю не скрывала. И популярное тогда выражение «Советская республика в кольце врагов» —

это вовсе не фигура речи, а вполне реальная оценка сложившейся международной обстановки. Кстати, она в достаточной мере повторяется и сегодня, потому что мы видим, как Запад открыто демонстрирует недружелюбную политику по отношению к России.

Актуальный вопрос международной обстановки образца 1932 года в значительной степени утратил свою актуальность к году 1939-му. Польша потерпела поражение в скоротечной войне с Германией, и было понятно, что продвижению вермахта на территорию Советского Союза уже, по сути, ничто не мешает. А это значит, что будет формироваться некий плацдарм. Плацдарм рассчитывали сделать на территории Западной Украины и Западной Белоруссии. Мало кто знает, но в Германии всерьез размышляли о том, чтобы создать на этой территории какое-нибудь эффективное правительство, которое будет заниматься откровенно антисоветской деятельностью, по примеру Польши, и тем самым Германия сможет создать очаг напряженности на границе с СССР. К тому же всегда можно будет сказать, что Германия здесь совершенно ни при чем и всему виной правительство, за которое она совершенно не отвечает.

И наконец, самое главное. Поражение Польши в войне с Германией автоматически означало прекращение договора 1932 года. Согласитесь, если один из двух партнеров по меркам международного права перестает существовать, каким образом и за счет чего должен действовать договор? Об этом польские политологи и эксперты почему-то категорически говорить не хотят. Как не собираются они рассказывать о том, что Советский Союз осенью 1939 года соблюдал абсолютно все нормы международного права: правительство СССР вызвало посла Польши в Москве и уведомило его о том, что в связи с поражением Польши в войне с Третьим рейхом действие договора 1932 года теперь прекращено.

Есть в этой истории еще один важный нюанс. Тогда в международном праве имелась одна любопытнейшая норма. О ней сегодня никто вспоминать не хочет, потому что невыгодно. А мы все-таки напомним. Эта норма гласила, что если возникнет угроза национальной безопасности одной из стран, то эта страна имеет право прибегнуть к ответным мерам по предотвращению угрозы. Этим правом и воспользовался Советский Союз осенью 1939 года. Понимая планы Третьего рейха, СССР нужно было принимать решительные меры. И это было сделано в соответствии с международным правом.

Разумеется, в Польше считают, что все это абсолютная ложь и что нынешние путинские пропагандисты забывают о том, что на тот момент в Берлине еще никто не разрабатывал планов нападения на Советский Союз.

Не было никакой необходимости вводить войска на территорию Польши и тем самым помогать немцам ликвидировать польскую государственность. И со ответственно, те, кто отрицает гнусность сталинского замысла, должны нести за это ответственность.

Это не выдерживает никакой критики. Ведь тогда Польша должна предъявлять гораздо больше претензий Великобритании и Франции, которые по большому счету не сделали ничего, чтобы предотвратить поражение Второй Речи Посполитой в военной кампании, длившейся 17 дней. Однако никаких претензий ни к Лондону, ни к Парижу у поляков нет. Все недовольство направлено только на Советский Союз и его политику.

Но мы же с вами прекрасно понимаем, что от подлинной истории все это невероятно далеко.

Здесь главное — подбрасывать дрова в костер своих русофобских убеждений. Ответственность за разгром собственного государства и за все то, что немцы там делали во время оккупации, Польша должна нести прежде всего сама.

Однако этого не произойдет, потому что если начать рассказывать своим гражданам правду, то они рано или поздно зададут вопрос: почему же мы во всем обвиняем Советский Союз? А это для польской политической элиты самое страшное, поскольку русофобия — крайне выгодный сегодня товар, который очень хорошо оплачивается, в том числе разными некоммерческими организациями, аффилированными с Госдепартаментом США. Расставаться с доходным бизнесом они не будут. Но это вовсе не означает, что мы должны молча выслушивать потоки гнусностей и фальсификаций в отношении Советского Союза.

Говорил много раз и повторяю снова: в случае с событиями 1939 года нам каяться не в чем.

Глава 6. Польское участие в Холокосте

Долгие годы мне казалось, что последнее, в чем нас может обвинить руководство Польши, это в Холокосте. Вроде бы все очевидно: это была государственная политика нацистской Германии. Советский Союз сделал все от себя зависящее, чтобы расследовать факты преступления против человечности. Долгие годы считалось, что евреев уничтожали только нацисты. Во многом это вина советского агитпропа, который, проповедуя дружбу народов, замалчивал факты военных преступлений, совершенных латышами, эстонцами, украинцами, поляками, румынами и венграми. Но сегодня настало время рассказать о страницах истории Второй мировой войны, о которых поляки предпочитают не вспоминать.

В нашей стране за последние годы было издано великое множество работ по разным эпизодам Холокоста на оккупированных территориях Советского Союза. И вдруг теперь уже бывший министр обороны Польши Антоний Мацеревиц сделал заявление: «Если бы не удар со стороны Советского Союза (это он имеет в виду польский поход Красной армии в сентябре 1939 года), Вторая мировая война развивалась бы иначе и Холокоста не было бы». Польский министр также указал, что в мире по-прежнему нет осознания того, что именно пакт Молотова — Риббентропа привел к совершению преступления, которое сегодня является синонимом Второй мировой войны.

О пакте Молотова — Риббентропа мы уже говорили на страницах этой книги, теперь давайте коснемся вопроса о Холокосте. Общеизвестно, что во время Второй мировой войны от рук нацистов погибли миллионы евреев. Среди них не менее 2,8 миллиона польских евреев. На территории генерал-губернаторства (так называлась территория Польши под немцами) были организованы концлагеря Трешлинка (Трешлинка-1 — так называемый «трудовой лагерь» и Трешлинка-2 — лагерь смерти), сеть концлагерей Аушвиц-Биркенау (более известная в нашей стране как Освенцим), Собибор и Белжец. После того как были истреблены практически все польские евреи, немцы не стали закрывать лагеря смерти и свозили туда эшелонами евреев из Европы.

Однако польские евреи гибли не только от рук немцев. Их убивали свои же соседи-поляки.

Во время Второй мировой войны как минимум в 24 районах Польши поляками были совершены преступления против евреев. Сегодня уже нет

смысла отрицать эти очевидные факты. Они известны всем, кто интересуется драматическими событиями Второй мировой и Холокостом на территории Европы. Однако поскольку польский министр обороны сделал подобное заявление, на него необходимо ответить, чтобы ни у кого не оставалось сомнений, что это заявление — наглая ложь.

Достаточно назвать один только город — Едвабно (тогда это была Белостокская область БССР, сейчас это территория Польши). Небольшой провинциальный город стал, по сути, синонимом и символом уничтожения евреев поляками еще до того, как начали работать концлагеря, эти фабрики по уничтожению людей.

Подавляющее большинство жителей городка были евреями. Поляки убивали их сначала поодиночке: кого-то палками, кого-то забивали камнями, кому-то отрубали головы, трупы потом оскверняли. Исключений не делалось ни для кого: ни для женщин, ни для детей, ни для стариков. Чем это отличается от сожжения евреев зондер-командой Арайса в Риге 4 июля 1941 года? Чем это отличается от ужасов Бабьего Яра? От уничтожения евреев в Аушвиц-Биркенау? На мой взгляд, и то и другое — преступления против человечности, которых нет и не может быть никакого прощения и о которых нужно помнить.

10 июля 1941 года толпа разъяренных чем-то поляков напала на группу местных евреев, включая раввина. Подавляющее большинство тех, на кого напали, были заживо сожжены.

В Едвабно поляками было уничтожено не менее тысячи евреев. Точное число установить невозможно. Потом были предъявлены обвинения 93 полякам в 23 районах Польши. Но суды эти особенно никто не афишировал. Долгое время считалось, что это злодеяние — дело рук немецко-фашистских оккупантов.

После войны, будучи членами Организации Варшавского договора и входя в социалистический лагерь, поляки всячески скрывали от собственной общественности, что именно произошло в этом уездном городе. Но уже в XXI веке американский историк по фамилии Гросс написал об этом целую книгу. На основе немецких архивных документов он убедительно доказал, кто совершил то преступление против человечности.

Надо сказать, что поляки чрезвычайно обиделись на книгу американского историка. Если бы ее написал какой-нибудь российский журналист или писатель, они, наверное, просто постарались ее проигнорировать. Но книга была написана американцем. Она получила распространение на Западе, и пришлось отвечать.

За дело взялся Институт национальной памяти Польши, который на протяжении четырех лет проверял все документы. И польские историки пришли к тем же самым выводам, что и американец Гросс. Да, действительно, евреев уничтожали поляки. Казалось бы, нужно покаяться. Этот эпизод является составной частью Холокоста. Но что делают поляки? Они говорят: да, вне всякого сомнения, это сделали наши соотечественники; но число жертв было завышено: было уничтожено не 1600 евреев, а всего 350 человек. То есть они уничтожили не тысячу людей, а «всего лишь» 350, поэтому об этом не надо говорить. Больше того, в выводах института говорилось:

«Убийства были инспирированы немцами, а сам факт присутствия немецких солдат на месте следует считать равнозначным данному им согласию на убийство».

Читай «мы, конечно, убивали евреев, но во всем виноваты немцы, потому что они подогревали антисемитские настроения и присутствовали при этом».

Но что это меняет? Зверски убиты женщины, старики, дети. Сильно ли меняет картину преступления присутствие там немецкого солдата? Кто был движущей силой этого процесса — немцы или поляки? О какой вине Советского Союза при всем этом рассуждает министр обороны Польши? Разве советские граждане, выросшие в СССР до присоединения территорий в 1939 году, пошли убивать евреев? Это что, члены партии ВКП(б) или сотрудники НКВД этим занимались? Нет, поляки. А теперь они пытаются сказать: если бы не было немцев, наверное, мы бы не убивали.

Некоторые договорились до того, что виноватая во всем Россия пытается переложить ответственность за Холокост с немцев на поляков. Я ежедневно общаюсь с десятками людей, включая самых видных российских политиков, политологов, журналистов, и ни от кого никогда подобного рода мыслей не слышал. Поляки же заявляют, что вину за погром несет непосредственно Советский Союз по той причине, что население восточных крессов (еврейское население) с радостью встречало РККА как своих избавителей от польского гнета.

Из этого следует вывод: людей можно было убивать только за то, что они радовались приходу Рабоче-крестьянской Красной армии. И никто на Западе после того, как поляки огласили эту теорию, не возмутился. А чем это отличается от того, что делали немцы? Они точно так же убивали на советских территориях советских людей, которые подозревались в

симпатиях к партизанам.

1945 год. Вторая мировая война закончилась разгромом нацизма. Союзники готовят военный трибунал для основных преступников, а 11 августа 1945 года в Кракове происходит еврейский погром. В докладной записке польских властей фигурирует цифра погибших — 351 еврей. Польша растягивает эту цифру на период с ноября 1944-го по декабрь 1945-го. Но в 1945 году нацистская оккупация завершилась, концлагерей уже нет, а поляки продолжают убивать евреев. Потом наступает 1946 год, и мы с удивлением обнаруживаем, что число жертв только растет.

Яркий тому пример — город Кельце. До начала войны примерно треть населения города составляли евреи, их там проживало 20 тысяч. После окончания Второй мировой войны в Кельце осталось 200 евреев, причем все они — бывшие узники концентрационных лагерей. И вот против этих людей совершается погром. Современные поляки, пытаясь оправдаться, говорят: пропал 8-летний ребенок, кто-то запустил гнусный слух, что евреи его похитили и хотели убить, и после этого начался погром. Однако они тактично не рассказывают о том, что в ходе расследования этого преступления выяснилось: ребенка отослал в деревню собственный отец, чтобы появился повод для расправы над евреями. Больше того, мальчик признался, что его научили, что именно нужно будет потом говорить.

4 июля 1946 года начинается погром. Толпа поляков (около 2000 человек, к которым присоединились силы народной милиции), выкрикивая (внимание!): «Смерть евреям!», «Смерть убийцам наших детей!» и главное: «Завершим работу Гитлера!», взламывала двери и убивала поленьями, камнями и прутьями прятавшихся евреев. 47 человек было убито, среди них дети и беременные женщины. Ранено более 50 человек. К чести польского народа нашлись люди, которые пытались помешать озверевшей толпе. Двое поляков, защищавших евреев, были убиты теми же самыми железными прутьями.

Из специального доклада сотрудника Воеводского управления общественной безопасности Л. Арендарского:

«Определенная часть солдат занималась убийством граждан еврейской национальности вместе с гражданским населением, в то же время другая часть солдат, находящихся внутри здания, в котором проживали евреи, занимались грабежом. Я заметил, что лица из той части солдат, которая занималась убийством евреев, убивали свои жертвы штыками. Я также видел, как офицер польской армии застрелил из пистолета одного из евреев, и после

этого люди стали подбрасывать его вверх на руках за такой поступок. Они кричали: “Да здравствует польская армия!” и что каждому солдату за такой поступок нальют 1 литр водки».

Протокол допроса свидетеля С. Пшеждзецки:

«Я воочию был свидетелем, как милиционер бил автоматом еврейку по голове, которую впоследствии, тяжелораненую, отвезли в больницу (фамилию этого милиционера я не знаю). Таких случаев было больше, когда приехало армейское подразделение. Военные вместе с милицией выводили евреев из блока, отдавая их в руки толпы, которая зверским способом, при помощи киев, камней убивала евреев. Часто были случаи убийства или тяжелых избиений евреев самими милиционерами или представителями армии, которые отдавали полумертвые жертвы толпе».

Через пять дней после этих событий суд рассматривал дело 12 человек. Девять из них приговорили к смертной казни, одного к пожизненному заключению и еще двоих к 10 и 7 годам тюрьмы. Приговор суров. Но какой итог? Началась массовая эмиграция евреев из Польши. Люди боялись лишней раз выйти на улицу, потому что все знали о том, что произошло.

Обратимся к цифрам. Май 1946 года — эмигрировали 3,5 тысячи евреев. Июнь того же года — 8 тысяч. Июль — 19 тысяч. Август — 35 тысяч человек.

«Министерство иностранных дел Советского Союза: донесение посольству в Варшаве.

За несколько месяцев страну покинуло 80 тысяч евреев.

Наличие антисемитских взглядов в стране в предвоенные годы и усиленная пропаганда за годы немецкой оккупации дали себя чувствовать и в настоящее время. Возникли трудности с определением евреев на работу, так как имелись руководители предприятий, которые отказывались принимать евреев, боясь недовольства со стороны коллектива. Мысль покинуть Польшу, найти себе другое место жительства, приобрести себе родину стала популярна среди все большего и большего числа евреев. После погромов началась паника и массовое движение на запад».

Вы думаете, на этом все закончилось? Нет. Потом были зафиксированы случаи, как евреев выкидывали из вагонов во время движения поезда. Чем это отличается от действий нацистских оккупационных властей? Только тем, что совершили их поляки.

К середине 1960-х годов в Польше проживало менее 1 % евреев от довоенного их числа — 35 тысяч человек. Но даже эти люди были потом изгнаны из страны. Формальным поводом послужило ухудшение отношений с Израилем, произошел новый всплеск антисемитизма. Евреев обвинили в организации заговоров против Польши — и опять начались преследования. И уже к 1968 году евреев на территории Польши не осталось.

В 2002 году в результате переписи населения в Польше насчитали 1133 еврея. Еще раз возвращаюсь к словам бывшего министра обороны Польши. Это все кто сделал? Нацисты? Большевики? Нет, это делали поляки. Причем с таким же остервенением, как и нацисты. Один только лозунг «Закончим дело Гитлера!» говорит о многом.

У меня нет ни малейшего сомнения, что после слов Мацеревича эта история будет и дальше тиражироваться в западных медиа. Но мы с вами должны помнить, кто и за что истреблял евреев. Не для того, чтобы лишний раз указывать полякам на эти эпизоды, — нет. Нам это нужно для себя самих.

Советский агитпроп допустил очень много ошибок в послевоенное время. У нас выросли поколения с извращенным представлением о том, что на самом деле происходило в годы Великой Отечественной войны. Именно поэтому для нас стали потрясениями марши легионеров СС в Латвии, крики «Москаляку на гиляку!» на Украине. Мы в большинстве своем не знали о том, что происходило в реальности. А те, кто знал, не хотели об этом рассказывать. Вот результаты этих ошибок и заблуждений: мы не говорили о том, что происходило с евреями на территории Польши, — и получили слова польского министра обороны пана Мацеревича.

История Великой Отечественной войны и Второй мировой войны в целом — важная часть национального кода и национальной идеи, значит, мы должны ее знать не по байкам и мифам советского (или любого другого) агитпропа, а по архивным документам. Если мы этого делать не будем, в дальнейшем заявления подобных мацеревичей будут звучать громче и чаще.

Глава 7. Катынь: оставшиеся вопросы

Так называемый Катынский расстрел, вероятнее всего, еще долго будет предметом острейших спекуляций в Варшаве, осложняющим российско-польские отношения. Эта история вызывает невероятное оживление всякий раз, когда оказывается в информационном пространстве. Горячо спорят политики, политологи, историки, общественные деятели, журналисты... А больше всех спорят простые граждане.

Истина, как правило, никого в этих спорах не волнует. Главное — погромче кричать и извлечь из этого некий политический дивиденд. Но давайте разбираться.

Сентябрь 1939 года. На территориях, которые заняла Рабоче-крестьянская Красная армия, в плен попало до полумиллиона поляков. Подавляющее большинство из них было вскоре освобождено, но в лагерях НКВД оставалось около 130 тысяч человек, которые с точки зрения советского законодательства, а главное — действующей тогда в стране политической идеологии представляли опасность.

3 октября 1939 года. Политбюро ЦК ВКП(б) принимает решение отпустить по домам рядовых унтер-офицеров польской армии, проживавших на территориях, которые отошли Советскому Союзу. В результате этих действий в советских лагерях осталось меньше 42 тысяч солдат и офицеров польской армии, а также полицейских и жандармов, которые рассматривались как злейшие враги пролетариата и убежденные борцы с советской властью. Большая часть этих людей (по разным оценкам, от 26 до 28 тысяч человек) была занята сначала на строительстве дорог, а потом отправлена в Сибирь на спецпоселение. Многие из них впоследствии войдут в сформированную в Советском Союзе армию Андерса, кто-то будет служить в Войске польском. Неясна судьба 14 700 польских офицеров и жандармов, которые находились в Осташковском, Козельском и Старобельском лагерях.

После начала Великой Отечественной войны этим вопросом мало кто интересовался. Были другие поводы для волнений. Но в апреле 1943 года средства массовой информации Третьего рейха распространили информацию о небывалом в мировой истории преступлении азиатско-еврейских большевиков, которые перебили тысячи польских офицеров в Катынском лесу. Естественно, что эта информация была подхвачена рядом западных изданий. Польское правительство в изгнании (на тот момент

находившееся в Лондоне) нажило на этом немалый моральный капитал. Оно люто ненавидело немецкие оккупационные власти, мечтало освободить Польшу своими собственными силами, хотя таковых и не было. Но еще больше оно ненавидело Советский Союз. И тут появляется «железный» аргумент: большевики перебили цвет польской армии.

Немецкое расследование этих обстоятельств началось в феврале 1943 года. Основанием стали показания местных жителей, которые видели, как в марте-апреле 1940 года сотрудники Народного комиссариата внутренних дел привозили в Катынский лес пленных поляков. Больше их никто живыми не видел. Геббельс развернул мощнейшую пропагандистскую кампанию. Собрали специальную международную комиссию, в которую вошли специалисты из стран, подконтрольных немцам, а также из нейтральных стран, занимавших ярко выраженную антибольшевистскую позицию.

Комиссия провела эксгумацию в местах массовых захоронений. Восемь братских могил, в которых обнаружили останки более 4000 человек. Согласно выводам комиссии, это были поляки, убитые не позднее мая 1940 года. Доказательством было объявлено... отсутствие у убитых вещей, которые могли бы указать на более позднюю дату смерти. Кроме того, немцы утверждали, что расстрелы производились по методике, которая активнейшим образом использовалась НКВД. И тут важно обратить внимание на интересный нюанс: пока вермахт наступал, пока в штаб-квартире фюрера была уверенность в скором победоносном окончании войны, никакие поляки в Катыни Берлин не интересовали. Но последовало поражение под Сталинградом — очень болезненное для Третьего рейха — и что-то нужно было дать германскому обществу в противовес, закрепить постулат тотальной войны, которая была провозглашена Йозефом Геббельсом. Что это может быть? Ну, разумеется, ужасы азиатской деспотии большевиков. И неважно, что тех же самых поляков немцы истребляли с завидным постоянством. Главное — есть преступление, которое можно использовать как козырь в информационной войне. Расследование преступлений «еврейско-большевистских бандитов» занимало первые места во всех германских средствах массовой информации.

Было бы наивно полагать, что Геббельс рассчитывал нанести только репутационный ущерб Советскому Союзу. В 1941–1942 годах германская печать много писала об ужасах большевизма, и немецкое общество на это реагировало уже спокойно. Главная задача Геббельса заключалась в другом. Нужно было вызвать бурную ненависть польского правительства в

изгнании, которое наверняка стало бы агитировать Великобританию немедленно разорвать все отношения с Советским Союзом. Для Третьего рейха это был ключевой момент: распадется антигитлеровская коалиция — у немцев больше шансов на победу. Тем более что к англичанам они относились значительно лучше, чем к гражданам Советского Союза. Многие деятели нацистской партии искренне сожалели, что приходится воевать с британцами.

Германская пресса по три-четыре раза в неделю сообщала подробности варварского убийства поляков в Катыни. Расчет на то, что отношения Москвы и Лондона испортятся, оправдался, но не до конца. Действительно, глава правительства Польши в изгнании Владислав Сикорский пришел в ярость, немедленно разорвал все отношения с Москвой и потребовал аналогичного шага от Черчилля. Сикорский погибнет вскоре после этого в авиакатастрофе, и у польских эмигрантских кругов даже появится новая конспирологическая версия: катастрофу подстроили англичане, чтобы избежать ненужных споров с Советским Союзом по непринципиальному для них вопросу.

Было бы наивно полагать, что в руководстве СССР не знали о той информационной кампании, которую устроил Геббельс. И разумеется, прекрасно понимали, что она вредит имиджу Советского Союза. Нужно было каким-то образом отвечать на обвинения.

Октябрь 1943 года. Красная армия освобождает территорию Смоленской области. Тут же формируется специальная правительственная комиссия по расследованию обстоятельств Катынского расстрела. «Специальная комиссия по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу близ Смоленска военнопленных польских офицеров» — так она официально называлась. Возглавлял комиссию главный хирург Рабоче-крестьянской Красной армии Николай Бурденко.

Расследование началось в январе 1944 года. В результате изучения всех обстоятельств и опроса свидетелей комиссия пришла к следующим выводам.

Польские офицеры действительно находились в спецлагерях на территории Смоленской области. Они пребывали там вплоть до начала Великой Отечественной войны и не были эвакуированы по причине скоротечного немецкого наступления. Таким образом, плененные Советским Союзом поляки оказались в руках немцев, которые устроили казнь в Катынском лесу. В качестве доказательства этой версии комиссия Бурденко приводит результат экспертизы: поляки расстреляны из

немецкого оружия. Кроме этого, обнаружены вещи, свидетельствующие, что эти самые поляки были живы как минимум до середины лета 1941 года. Находятся новые свидетели, опять же из числа местных жителей, которые видели, как нацисты свозили поляков в Катынский лес в 1941 году — и опять-таки живыми после этого поляков больше никто не видел.

Февраль 1946 года. Нюрнбергский военный трибунал. Среди рассматривавшихся на трибунале эпизодов был и так называемый Катынский расстрел. Советская сторона обвинила в этом злодействе нацистов. Но неопровержимо доказать в суде причастность немцев к уничтожению польских пленных не удалось. Этот момент вызывает до сих пор горячие споры в обществе. Те, кто согласен с тем, что в Катынском лесу расстрел проводили сотрудники НКВД, упоминают произошедшее на Нюрнбергском трибунале как дополнительный факт своей правоты. Те, кто считает, что расстреливали немцы, категорически не согласны с этим. По их мнению, на Нюрнбергском военном трибунале не удалось доказать стопроцентную вину немцев только потому, что Великобритания, Франция и Соединенные Штаты Америки, ведомые своим антикоммунизмом, помешали принятию советских доказательств в полном объеме.

Пока существовал социалистический лагерь, эту историю не вспоминали. Поскольку ни одного нового доказательства стороны привести не могли, все оставались при своем. Некоторые немцы утверждали, что это злодеяние большевиков, которое те переписали на нацистов, добавив дополнительных преступлений. В Советском Союзе говорили о том, что это дело рук нацистов, которые старались опорочить Советский Союз и поэтому вбросили в мировую печать информацию о том, что во всем виноват НКВД. Польские политические эмигранты, разумеется, во всем винили СССР, хотя никаких симпатий к немцам у них, разумеется, не было.

Все изменилось в 1989 году. Тогда на волне перестройки, гласности, нового мышления в советских архивах были обнаружены документы, подтверждавшие, что расстрел поляков был произведен по прямому указанию товарища Сталина Народному комиссариату внутренних дел.

13 апреля 1990 года ТАСС выпускает специальное заявление, в котором советское правительство признает вину за расстрел поляков в Катыни и объявляет его одним из тяжелейших преступлений сталинизма. Главным доказательством вины Советского Союза считается так называемый «Пакет № 1». Он хранился в особой папке архива ЦК КПСС. Ни в 1990-м, ни в 1991 году полемики по этому поводу не было. Но пройдет несколько лет — и она начнется, потому что сторонники версии немецкого расстрела стали буквально под лупой изучать все документы из

«Пакета № 1» и обращать внимание на существенные несоответствия. На основании этих несоответствий они объявляют весь «Пакет № 1» грубой фальшивкой, которую изготовили по прямому указанию академика Яковлева, а значит, он не может рассматриваться всерьез. В связи с этим Главная военная прокуратура сначала Советского Союза, а потом Российской Федерации проводила специальное расследование Катынского дела. И в итоге пришла к выводу о виновности советских руководителей в гибели польских офицеров. К тому моменту было опубликовано уже несколько томов документов. Большею частью они были переданы польской стороне — руководители Советского Союза, а потом России рассчитывали, что таким образом можно будет поставить точку в этой истории. Как бы не так!

Расследование Главной военной прокуратуры велось по всем правилам. В очередной раз опросили свидетелей, которые были еще живы и которые давали показания в 1944 году. Но вот что интересно. В 1990-х годах свидетели заявляли о том, что показания, которые они давали в 1944-м, были сделаны под психологическим давлением НКВД. То есть немцы никого не расстреливали, а расстреливали сотрудники НКВД.

При этом те, кто винит в этом преступлении нацистов, замечают, что теперь виновность Советского Союза в уничтожении пленных поляков в Катыни — это элемент нашей государственной политики. А значит, объективного расследования ждать не приходится. Ситуация, в общем, достаточно странная. Первые лица страны, Владимир Путин и Дмитрий Медведев, много говорили о том, кто виноват в Катынском деле. Но их никто слушать не хочет, причем одни считают, что Путин некомпетентен (по-моему, это единственный случай, когда Путина обвиняют в некомпетентности), другие говорят, что Путин вынужден продолжать линию, взятую Горбачевым и Ельциным в этом вопросе.

Государственная Дума в ноябре 2010 года внесла свою лепту в эту историю, приняв заявление, в котором признала расстрел преступлением, совершенным по прямому указанию Сталина и руководителей советского государства, и выразила сочувствие польскому народу. Тут же в очередной раз заговорили про расследование депутата Илюхина, якобы он доказал, что все это фальшивка и не надо идти на поводу у поляков.

Принципиально проще не стало. Вопросы как были, так и остались. И спорщики никогда к единому знаменателю не придут. Кто даст гарантию, что не появятся новые рассекреченные документы, которые смогут пролить свет на многие детали этой истории? Кто даст гарантию, что следующее поколение историков сможет спокойно во всем этом разобраться?

Мне кажется, что катынская история еще долго будет предметом острых политических спекуляций. Подавляющее большинство спорящих истина вообще не сильно волнует. Одним надо доказать, что НКВД — это гиперзлодейская организация, которая только и делала, что уничтожала всех, кого только можно. Другим — что товарищ Сталин — это самая оболганная фигура в мировой истории, что никаких преступлений за ним числиться не может, и даже странно, что Русская православная церковь его еще не канонизировала. При таком подходе к невероятно сложному историческому вопросу невозможно прийти к консенсусу. Любую точку зрения можно объявить ангажированной.

Однако вопросы действительно остаются. Например, факт использования немецкого оружия. Обычно у сторонников версии о том, что расстреливали немцы, это ключевой аргумент. Да, я согласен. На вооружении у немцев было немецкое оружие. И было бы странно полагать иное. Но давайте зададим другой вопрос: а было ли на вооружении Рабоче-крестьянской Красной армии или НКВД немецкое оружие? И тут мы с вами с удивлением должны признать: да, было. Как раз во время того самого освободительного похода 1939 года были захвачены склады оружия и боеприпасов, и там как раз было очень много немецкого оружия. Кроме того, когда началась Великая Отечественная война и стала формироваться отдельная мотострелковая бригада особого назначения ОМСБОН, тот самый знаменитый спецназ, у него на вооружении тоже состояло немецкое оружие.

Есть еще один момент, который, не скрою, настораживает. Это личные вещи расстрелянных.

Очень многие стали жертвами политических репрессий в 1937–1938 годах. Миллион шестьсот тысяч. Согласитесь, цифра серьезная. Многие из них выжили в лагерях и потом даже оставили воспоминания о том, как это было. И некоторые говорили, что все личные вещи изымались. Почему-то в Катыни были обнаружены личные вещи. В частности, нательные кресты. Это, конечно, интересный вопрос. И мне кажется, что здесь вполне может быть элемент фальсификации.

В германских лагерях многие вещи не отнимали. И немцы как педанты могли сохранить эту традицию. Они вполне могли расстрелять каких-то людей и на этом построить информационную кампанию против большевиков.

И можно было бы, наверное, долго об этом спорить, но не так давно известный политик Александр Хинштейн издал рукопись воспоминаний генерала Серова. Это, по сути, дневник, в котором Серов фиксировал то,

что ему было известно, делился своими наблюдениями. Там содержится косвенное подтверждение причастности НКВД к расстрелу поляков в Катыни. Генерал Серов упрекает сотрудников НКВД в том, что они не смогли замести следы. Ну разумеется, сторонники версии, что во всем виноваты немцы, тут же обвинили Хинштейна в подделке важного исторического свидетельства.

А что же поляки? Варшава заняла принципиальную позицию: раз Советский Союз, а затем и Российская Федерация все признали, то виноваты во всем большевики. И потомки их должны постоянно каяться за эти преступления. Варшава превратила Катынское дело в доходный бизнес. В Европейский суд по правам человека подают родственники расстрелянных. И постоянно говорят о том, что Россия никогда не искупит вину за это преступление. Причем в Варшаве никого не волнует, что в деле есть нестыковки. И может быть, вину за Катынь должны нести еще и немцы.

Здесь возникает неприятный вопрос, о котором поляки тактично умалчивают. Но у нас же с вами разговор честный, поэтому давайте я его задам: а сколько из расстрелянных тогда польских офицеров являлись сотрудниками, например, дефензивы (контрразведки), курировавшей организацию «Прометей», о которой мы уже говорили? Сколько из расстрелянных под Катыню офицеров имели отношение к гибели пленных красноармейцев, занимая определенного рода должности в оборонном ведомстве в Варшаве? Я вовсе не собираюсь кого-то оправдывать. Но если мы говорим о таком сложном историческом эпизоде, как Катынское дело, которое вызывает весьма противоречивую реакцию в России, то давайте обсуждать все возникающие вопросы.

К сожалению, диалога не получается, потому что очень выгодно занимать ту или иную позицию и никого не слушать. Верить в виновность НКВД или не верить — личный выбор каждого. Он зависит от того, насколько человеку интересна эта тема, насколько глубоко он ею занимается. Как показывает мой опыт, подавляющее большинство заявляющих о виновности немцев сборники документов в глаза не видели. В архивы им тоже ходить некогда. Они все больше в социальных сетях высказываются. Но то же самое относится к тем, кто говорит о виновности НКВД. Почему-то подавляющее большинство людей, которые кричат на каждом углу о том, что проклятые чекисты всех уничтожили, не в состоянии назвать даже пять фамилий офицеров НКВД, которые в этом участвовали. А ведь в документах все это есть.

Вы думаете, что в Польше многие знают подробности Катынского

дела? Оно их точно так же совершенно не волнует. Поляки уяснили главное — во всем виновата проклятая Россия, она несет прямую ответственность за все, что происходит, с нее и спрашивайте. Хотя в данном случае это смешно, потому что как раз руководство России все это признает. Я напоминаю, что Путин встал на одно колено возле катынского мемориала. Какие здесь могут быть еще вопросы?

Да, нестыковки в этой истории существуют. Но если честно, едва ли найдется сложное дело той эпохи, в котором вообще нет никаких нестыковок. Мы с вами говорили на страницах этой книги о пленных красноармейцах. Обратите внимание, насколько разные называют цифры. Это ведь прямая нестыковка. Но от этого факт гибели наших красноармейцев в польском плену не перестает быть фактом. Вот так надо поступать и в случае с Катынским делом. Мне очень хочется верить, что рано или поздно это все-таки произойдет. Пусть даже у многих, активно спорящих о Катынском расстреле на протяжении последних 10 лет, будет истерика. Ничего страшного. Перемелется — мука будет.

Глава 8. Варшавское восстание 1944 года: в чем виноват СССР?

Первого августа 1944 года жители Варшавы предприняли неудачную попытку освободить польскую столицу от немцев. Разумеется, что провал восстания сегодня поляки ставят в вину Советскому Союзу.

Удивительно, что на эти заявления почти не звучит ответов. И дело вовсе не в том, что у нас в стране никто не знает подлинной истории Варшавского восстания. Скорее всего, многие просто впадают в ступор от подобной преднамеренной фальсификации истории.

Вообще, если проанализировать все, что говорят польские политики, политологи, эксперты, общественные деятели, получается такая картина. Кровавый палач Сталин решил добить польский народ. Ему мало было расстрела польских офицеров в Катыни в 1940 году, ему мало было того, что немцы уничтожали поляков в рамках доктрины о своем расовом превосходстве. Сталин решил руками немцев уничтожить вообще всех поляков. То есть в момент, когда поляки ждали от него помощи, Сталин сделал все, чтобы Красная армия не наступала, и обеспечил немцам идеальную возможность жесточайшим образом подавить Варшавское восстание. В нашей стране такую версию тех трагических событий слышал, наверное, каждый.

Давайте разберемся, почему же Советский Союз не помог восставшим. Ведь, казалось бы, поддерживать борьбу с фашистами — святое дело. Во-первых, это возможность нанести дополнительный урон немцам, а во-вторых, надежда на то, что если восстание примет затяжной характер и будет складываться не в пользу фашистов, то им придется перебросить к Варшаве боеспособные части с фронта.

Обычно всякий раз поляки патетически восклицают: если бы в начале августа 1944 года советские войска взяли Варшаву, то они спасли бы десятки тысяч жизней и, конечно, принесли бы свободу узникам сети концлагерей Аушвиц-Биркенау.

Красивая теория — правда, она не имеет ничего общего с реальностью. Во всей этой концепции обычно умалчивается о том, кто, собственно говоря, руководил Варшавским восстанием. Согласитесь, если бы это был актив польской коммунистической партии, вряд ли товарищ Сталин отказал бы в помощи братьям-коммунистам. Как раз напротив, вероятнее всего, погнали бы войска Красной армии на помощь

восставшему городу. И тут мы с удивлением обнаруживаем, что за восстанием стояло Польское правительство в изгнании, которое обосновалось в Лондоне. То самое правительство (а точнее, его второй состав), которое сбежало из Варшавы в сентябре 1939 года. Непосредственным организатором восстания была подчинявшаяся этому буржуазному польскому правительству Армия Крайова.

Однако к 1 августа 1944 года «лондонское» правительство уже представляло далеко не всю Польшу. Дело в том, что 1 января 1944-го польские коммунисты объявили о своей независимости от польского эмигрантского правительства и создании так называемой Крайовой Рады Народовой. А 21 июля того же года польские коммунисты создают Польский комитет национального освобождения. Именно он и отказал эмигрантскому правительству в праве говорить от лица всех поляков и восстание не поддержал.

Казалось бы, при чем тут Сталин? При чем тут вообще Советский Союз? Это была внутренняя разборка поляков.

Интересно, что своя армия была и у эмигрантского правительства (Армия Крайова), и у Польского комитета национального освобождения (Армия Людова). Разумеется, что сегодня в Польше солдат и офицеров Армии Людовой называют не иначе как подлыми пособниками советской деспотии и предателями польского народа. Уже никто в современной Польше не помнит о том, что бойцы Армии Людовой мужественно сражались на фронтах Второй мировой войны с нацистами, а в 1945 году даже принимали участие в штурме Берлина. Сегодня все почести отдают эмигрантскому правительству и Армии Крайовой. А любая попытка критично оценить их деятельность воспринимается как очередная подлость России и старательно игнорируется. Ведь чем больше подробностей будет известно польской общественности, тем с большей вероятностью возникнут сомнения в официальной версии, которую проповедают польские власти.

Хотя еще 25 лет назад каждый поляк прекрасно знал про Армию Людову. Те, кто родился и вырос в Советском Союзе, наверняка хорошо помнят замечательный польский художественный фильм «Четыре танкиста и собака» или увлекательные приключения разведчика Клосса из советского кинофильма «Ставка больше, чем жизнь». Там как раз фигурирует Армия Людова. Но сегодня эти фильмы не в чести в Польше. Одно время их вообще рекомендовали не демонстрировать на телевидении по причине того, что они пропагандируют Советский Союз и советский взгляд на те события, о которых мы с вами и говорим в этой главе.

Июль 1944 года. Советские войска вступают на территорию Польши. Польские политики-эксперты с удовольствием расскажут вам, что приход Красной армии ознаменовался арестами участников Армии Крайовой и вообще всех тех, кого советская власть считала своими врагами. А почему, собственно говоря, пришлось арестовывать членов Армии Крайовой? Они же сражались против нацизма, а значит, являлись сторонниками Советского Союза в этой войне.

Армия Крайова, как мы уже говорили, подчинялась эмигрантскому правительству, в котором преобладали радикальные антикоммунисты. Многие из них воевали с Советской Россией еще в 1920 году. Разумеется, все они побаивались, что если Красная армия освободит Польшу, то их ждет в лучшем случае эмиграция, а в худшем — тюрьма. Если Польша становится социалистической, то националистическому элементу там уже не место.

И чтобы не дать ситуации развиваться подобным образом, было принято решение пойти ва-банк. У немцев было вполне достаточно сил подавить это восстание, но эмигрантское правительство это вовсе не смущало. Ведь в случае успеха оно могло бы объявить на весь мир, что освободило родную столицу собственными силами, без всякой помощи. А если бы Варшаву освобождала Красная армия, то это автоматически давало Москве право включить Польшу в сферу своего влияния — и эмигрантское правительство руководило бы только самим собой. Что, конечно, его категорически не устраивало.

6 июля 1944 года в Москву из Варшавы прибывает делегация Крайовой Рады Народовой. Она имеет полномочия урегулировать достаточно сложные на тот момент отношения между двумя странами. 8 июля обсуждается вопрос о возможности выхода советских войск к Висле. В директиве Ставки Верховного Главнокомандования от 21 июля 1944 года Красной армии приказывалось:

«1. Не позже 26–27 июля с.г. овладеть городом Люблин, для чего в первую очередь использовать 2-ю танковую армию Богданова и 7 гв. кк Константинова. Этого настоятельно требуют политическая обстановка и интересы независимой демократической Польши».

Представители Крайовой Рады Народовой решили, что Люблин будет первым городом, где они развернут свою деятельность. И считали, что Советский Союз должен им в этом помочь.

Москва была не против. Обратите внимание: в директиве говорится, что овладеть Люблином «требуют политическая обстановка и интересы независимой демократической Польши» — это ключевой момент для понимания этой истории. Сталин подчеркивал, что переход Красной армией линии Буга в интересах Польши, потому что у поляков будет возможность подготовиться и взять управление освобожденными территориями на себя.

24 июля, согласно планам Ставки, Люблин был освобожден. Последовало заключение соглашений по советско-польской границе, которая устанавливалась по линии Керзона. Польский комитет национального освобождения был признан в качестве законного органа власти на освобожденной территории, а Войско польское — единственной военной силой в Польше, которую признавал СССР. «Никаких других органов власти, в том числе органов Эмигрантского правительства в Лондоне, не признавать». Это цитата из постановления Государственного комитета обороны Советского Союза от 31 июля 1944 года.

Естественно, польское правительство в изгнании внимательнейшим образом следило за всем этим процессом. И разумеется, оно было обижено. Как так? Оно героически воюет с немцами, сидя в теплых креслах в Лондоне, а его интересы никто не собирается учитывать. Поэтому оно решило организовать восстание в Варшаве.

Дату назначили на 1 августа. В процессе подготовки выяснилось, что повстанцам не хватает еды и оружия. Были зафиксированы многочисленные случаи, когда восставшие шли на оккупантов буквально с голыми руками. Обеспечить людей оружием, медикаментами, боеприпасами и продовольствием эмигрантское правительство не могло. Да, восставшие героически дрались против немцев, себя не жалели. Но давайте честно скажем: они были обречены. И после 63 дней боев 2 октября 1944 года восстание было подавлено. В результате польская столица была практически полностью стерта с лица земли. 198 тысяч убитых и 500 тысяч сосланных в концлагеря. Вот итог этой откровенной политической авантюры.

Советские войска действительно в происходившее не вмешивались. Возникает вопрос: почему? Ответ мы найдем у народного комиссара иностранных дел Советского Союза Вячеслава Молотова. В 1944 году в письме британскому правительству он отмечает:

«За варшавскую авантюру, предпринятую без ведома советского командования и в нарушение его планов, несут

прямую ответственность деятели Польского эмигрантского правительства в Лондоне. Никто не сможет упрекнуть советское правительство, что оно оказывает недостаточную помощь польскому народу. Наиболее действенной формой помощи являются активные военные действия советских войск против немецких оккупантов в Польше. Что же касается попытки сделать советское правительство ответственным за жертвы варшавян, то оно не может это рассматривать иначе как желание свалить ответственность с больной головы на здоровую. Если бы советское командование было своевременно предупреждено о намеченном восстании, то дела приняли бы другой оборот».

Естественно, что это заявление Молотова сегодня в Варшаве вспоминать никто не хочет. Невыгодно. Не получится выставить себя жертвой советской подлости и цинизма. Поэтому в ход идет следующий аргумент: Советский Союз не признавал эмигрантское правительство, но он мог бы разрешить авиации союзников использовать советские аэродромы для доставки грузов восставшим. Именно категорический отказ предоставить аэродромы самолетам Великобритании и Соединенных Штатов Америки повлек нехватку продовольствия, медикаментов и боеприпасов. И только поэтому восстание было подавлено.

Разумеется, ответственность за это несет кровавый Советский Союз. Казалось бы, не поспоришь. Товарищ Сталин действительно не дал разрешения использовать советские аэродромы для снабжения восставших, это правда. Является ли это аргументом в пользу теории о том, что Красная армия могла помочь восставшим, но ничего не сделала? Давайте разбираться.

Лето 1944 года. Советские войска ведут кровопролитные бои за освобождение Белоруссии. Несут большие потери. Солдаты измотаны, техника изношена. Не в том состоянии войска, чтобы форсировать Вислу. Тем более что у немцев там хватало боеспособных частей, и это могло закончиться поражением советских войск. Нужна была передышка. С этой точки зрения помочь Варшаве Красная армия едва ли имела возможность.

Хорошо, скажут мне, действительно, армия устала, и технику надо было отремонтировать — все правда. Но почему нельзя было предоставить британской и американской авиации аэродромы? Сбрасывали бы они груз восставшим. Если бы победило восстание, немцам пришлось бы стягивать к Варшаве дополнительные силы, соответственно, на фронте частей оставалось бы меньше — и Красной армии было бы легче наступать.

А давайте зададим другой вопрос. Почему нельзя было начать снабжать восставших не в сентябре, когда судьба восстания, по сути, уже была понятна, а в начале августа? На этот вопрос в Польше не любят отвечать. Наверное, потому что ответ их не сильно устраивает. Всплывут интересные факты: вдруг выяснится, что возможность доставить грузы у авиации союзников была и без советских аэродромов. Напомню, что еще в 1943 году авиация союзников бомбила территорию Германии. Неужели они не долетели бы до Польши? Сегодня в Варшаве об этом не хотят говорить. Потому что сразу рушится вся их теория. А так можно выйти и с гордостью сказать: мы являемся постоянной жертвой кровавой русской тоталитарной деспотии. И промолчать о том, что за освобождение Польши Советский Союз заплатил страшную цену: 600 тысяч солдат и офицеров погибли в боях с немцами на польской земле. Это им посвященные памятники и мемориалы сносят сегодня. Это их сегодня называют оккупантами. Такая вот польская благодарность за то, что наши с вами деды и прадеды не дали сделать из поляков мыло, не дали всех перебить в сети лагерей Аушвиц-Биркенау.

Некоторые в Польше понимают, что, конечно, все не так просто: и потенциал у британской авиации, наверное, был, и советские солдаты гибли на польской земле в боях с нацистами. Поэтому они пускают в ход другой аргумент: Российская Федерация несет прямую ответственность за крах Варшавского восстания по той причине, что среди частей немецкой армии, которые были брошены на его подавление, находились и русские солдаты СС. Речь идет о военнослужащих 29-й дивизии войск СС — бригаде Каминского.

Обычно польские политики рассказывают следующую историю. Русские эсэсовцы подавляли огневые точки поляков с помощью артиллерии. Стреляли из 122-миллиметровой гаубицы по домам, откуда восставшие оказывали сопротивление. Бои за жилые кварталы отличались большой жестокостью, пленных в принципе не брали.

Это все правда. Ни один человек, находящийся в здравом уме и твердой памяти, не будет отрицать, что каминцы продемонстрировали запредельную жестокость. За это многие из них предстанут перед советским судом.

Но вот что интересно. Патологическая, звериная жестокость каминцев удивила даже немцев. В результате сводный полк 29-й дивизии СС, который участвовал в подавлении Варшавского восстания, был подвергнут достаточно жесткой зачистке. Немцами было расстреляно около 120 человек, включая командира дивизии бригаденфюрера Каминского. Саму

29-ю дивизию войск СС сразу после этого расформировали, ее номер отдали итальянским добровольцам СС. А остатки дивизии — примерно 3 тысячи человек — были передислоцированы в Силезию. Там как раз формировалась 1-я дивизия Комитета освобождения народов России (власовской армии). Около тысячи бывших каминцев вошли в состав 2-й дивизии вооруженных сил Комитета освобождения народов России. Но служили они вовсе не на руководящих постах. Надо сказать, что со стороны власовцев каминцы встретили к себе исключительно неблагоприятное отношение. Сохранилось даже свидетельство подполковника Жуковского: «После посещения нанятой бригады мы составили акт о ее боевой готовности, где также было указано, что солдаты являются морально разложившимися и занимаются бандитизмом и грабежом».

Руководство власовской армии в принципе не собиралось признавать награды и звания, которые получили каминцы, находясь в СС. Поэтому командир 1-й дивизии вооруженных сил Комитета освобождения народов России генерал-майор Буняченко 5 декабря 1944 года выпустил специальный приказ, в котором говорилось:

«Имеются случаи, когда отдельные солдаты и офицеры, прибывшие на формирование дивизии, бросают незаконный оскорбительный упрек солдатам и офицерам бывшей дивизии Каминского в том, что они якобы грабители и бандиты. Все эти упреки основаны на том, что в бывшей дивизии Каминского были отдельные случаи грабежей, мародерства и других безобразий, которые могут иметь место в любой другой части.

Отдельные случаи не могут характеризовать поведение всей части в целом. 1-я русская дивизия СС в своем прошлом дралась против сталинского режима в России, и ее состав в настоящем готов продолжать эту борьбу. Это русские воины, на труде которых, как и всех русских людей, должна будет построена наша родная мать-Россия.

Приказываю:

1. В корне пресечь оскорбления по адресу солдат и офицеров бывшей 1-й русской дивизии СС.

2. Разъяснить личному составу, что прибывающее пополнение в первую русскую дивизию из разных фронтов должно вместе слиться в дружную, спаянную, идейно и организационно, семью для борьбы под русскими знаменами для

спасения России и всех народов, ее населяющих».

Наивно думать, что после оглашения приказа абсолютно все власовцы забыли о своем презрительном отношении к новому пополнению. Пройдет полгода, и в этих сортах предателей, мародеров, насильников, бандитов и убийц будут разбираться следователи СМЕРШ. Больше это никому не будет интересно.

Однако вернемся к Варшавскому восстанию. Что же получается — правы поляки? Грабили, убивали, насильовали каминцы, убили даже нескольких немцев, поэтому пришлось выводить их из города. А значит, и Россия должна нести за это ответственность.

А кто, собственно говоря, дал приказ на такую максимальную жестокость? Что, эти самые каминцы убивали и насильовали меньше, чем СС и вермахт? И куда делись 7 тысяч железнодорожных вагонов с различным имуществом, которое немцы вывезли за десять дней восстания? Давайте не забывать, что самыми жестокими карателями были военнослужащие дивизии Дирлевангера, а не каминцы. Я вовсе не хочу обелять военных преступников, коими являлись каминцы, но надо быть справедливыми. Говорить о том, что именно русские коллаборационисты внесли решающий вклад в подавление восстания в Варшаве, это, мягко говоря, странно. В подавлении восстания участвовали 16 696 солдат и офицеров СС, из них только 1700 — это каминцы. Еще раз повторяю: это не обеляет их, они были оккупантами и убийцами. Я говорю лишь о том, что многочисленные утверждения польских политиков, что русские коллаборационисты больше всех пролили крови при подавлении Варшавского восстания, — это неправда. И уж совершенно точно подобного рода оценки не упрощают и без того не самые простые сегодня отношения между Варшавой и Москвой.

Теперь перейдем, пожалуй, к главному во всей этой истории: в Польше считают, что Россия должна нести ответственность за действия коллаборационистов в годы Второй мировой войны. Иначе говоря, современное российское правительство должно покаяться за деятельность бригады Каминского в Варшаве в 1944 году.

Хотел бы напомнить польским политикам, экспертам, политологам, журналистам о том, что после войны состоялся открытый процесс над лидерами каминцев. Несложно догадаться, какой был вынесен вердикт. В Советском Союзе к каминцам относились как к подонкам и преступникам. Как к предателям. И никому в голову не приходило героизировать этих людей. Еще раз повторяю: с этой точки зрения отношение к каминцам что в

Варшаве, что в Москве было абсолютно одинаковым.

Но нас хотят заставить за них каяться.

Интересная логика. Может быть, тогда Москва должна нести ответственность и за людобойство, учиненное дивизией Дирлевангера во время того же Варшавского восстания? С точки зрения поляков, наверное, мы вообще виноваты абсолютно во всем. Еще раз подчеркну, что в отношении и к власовцам, и к каминцам в российском обществе давно уже существует консенсус, и ни одному нормальному человеку не придет в голову оправдывать военных преступников. Они как были в глазах граждан страны подонками, так и остаются.

А что касается покаяния за их деятельность, то, наверное, полякам стоит обратиться к правительству Германии, ведь эти люди были военнослужащими германской армии, выполняли приказы из Берлина, присягали на верность канцлеру Третьего рейха Адольфу Гитлеру. При чем здесь Москва? Чем заниматься откровенными передергиваниями и фальсификацией истории, лучше честно ответить себе на два очень простых вопроса: как получилось, что польское эмигрантское правительство подняло Варшавское восстание, абсолютно не готовясь к нему, и почему в провале Варшавского восстания принято винить кого угодно, только не себя?

Как там у Крылова? Не лучше ль на себя, кума, оборотиться.

Глава 9. Кто спонсировал восстановление польской столицы после Второй мировой?

Сегодня, когда в средствах массовой информации возникает повод поговорить о том, как именно восстанавливалась экономика Европы после окончания Второй мировой войны, западные СМИ с небывалым энтузиазмом расскажут нам во всех подробностях про план Маршалла.

Речь идет о программе американского госсекретаря Джорджа Маршалла, которую он предложил в июне 1947 года. Согласно его плану, Вашингтон должен был оценить состояние экономик разрушенной Второй мировой войной Европы, а затем создать специальную правительственную комиссию для оказания экономической помощи европейским странам — от Португалии до Австрии, от Норвегии до Италии. Практически во всех зарубежных источниках план Маршалла рассматривается как единственно возможная и эффективная мера по спасению европейской экономики. Но при этом не учитывают один важный момент: план помимо прочего способствовал созданию экономического фронта холодной войны против Советского Союза и стран Восточной Европы, которые относились к социалистическому лагерю.

Ведь им Соединенные Штаты Америки тогда не помогали.

Сегодня распространено мнение о том, что США не помогли Восточной Европе, потому что Советский Союз отказался сотрудничать с Вашингтоном. Кто-то считает, что восточноевропейские страны сами (но, конечно, под давлением Советского Союза) отказали Вашингтону, решив, что смогут восстанавливать экономику самостоятельно. То есть Соединенные Штаты Америки спали и видели, как бы помочь Чехословакии, Польше, Венгрии, Румынии, Болгарии, Германской Демократической Республике. Но сталинское мракобесие помешало реализации абсолютно бескорыстных планов. В результате если всему цивилизованному миру помогали, то СССР переложил восстановление экономик стран соцлагеря на плечи жителей этих стран (и, в частности, поляков). И вот несчастные поляки, которые, едва избавившись от немецкой оккупации, попали в так называемую советскую оккупацию, еще и вынуждены были сами, своими руками восстанавливать экономику.

Не так давно один западный политолог в разговоре со мной сказал, что все было бы просто, если бы Сталин тогда согласился на реализацию плана Маршалла в Восточной Европе. Помогли бы полякам — и какие темпы

роста экономики демонстрировала бы эта страна! А СССР сам ничего делать не хотел и другим не давал, поэтому страны социалистического лагеря пребывали в таком же отсталом состоянии, как и Советский Союз. И конечно, теперь Россия должна за это каяться.

Мысль интересная, и свидетельствует она прежде всего о том, что на Западе вообще не очень понимают, о чем идет речь.

К сожалению, у нас находится все больше удивительных людей, которые эту околесицу повторяют. Мол, вместо того, чтобы разрешить американцам абсолютно бескорыстно помочь полякам, мы решили устроить им коммунистический «рай», чтобы они жили в такой же нищете, как мы сами, и чтобы везде был сплошной ГУЛАГ.

Давайте разбираться. Начнем с малоизвестного факта: в 1945 году в Польше был создан Объединенный фонд восстановления столицы. Этот фонд создавался при самой активной поддержке советского правительства и занимался сбором средств для восстановления Польши. Фонд начал действовать через неделю (!) после освобождения польской столицы силами в 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов Красной армии совместно с войсками 1-й армии Войска польского. Господину Маршаллу оставалось более двух лет до назначения на пост госсекретаря Соединенных Штатов Америки. Ни о каком плане восстановления послевоенной Европы, ни о какой помощи европейской экономике в США тогда речи не шло.

К июлю 1945 года, то есть через полгода после начала работы фонда, центр польской столицы был практически полностью расчищен от завалов и мусора. Разобрали свыше 700 тысяч кубометров руин. И сделали это советские солдаты вместе с местными жителями, которых советское правительство просило присоединиться к этой нелегкой работе. Тогда же в Варшаве был восстановлен первый памятник — Николаю Копернику. На тот момент в большинстве европейских стран работы подобного рода не проводились, и никакой господин Маршалл смелых планов по спасению европейской экономики не предлагал.

Говоря о восстановлении польской экономики, нужно не забывать о некоторых сопутствующих факторах. Советский Союз получил земли, которые до этого были немецкими, — Восточную Померанию, Восточную Пруссию, Селезию, Восточный Бранденбург и т. д. Часть этих земель отошла польскому государству. Их нужно было поднимать практически с нуля.

Мало кто знает, но за первые два послевоенных года, когда господин Маршалл только-только собирался с мыслями о том, как именно надо

восстанавливать европейскую экономику, от Советского Союза через фонд шли гигантские средства на восстановление Польши. Помимо финансовой помощи осуществлялись чуть ли не ежедневные поставки продовольствия, одежды, стройматериалов, медикаментов и всего самого необходимого.

Обращаю ваше внимание на важный момент. Территории Белоруссии, Украины, РСФСР лежали в руинах. Нам самим не хватало денег, медикаментов, продовольствия, одежды, были сложности со стройматериалами. Мы отрывали от себя, но давали полякам. Кто-нибудь из польских экспертов сегодня об этом помнит? Кто-нибудь из польских деятелей рассказал о том, что одного только промышленного оборудования полякам передали тогда на сумму полмиллиарда долларов? Причем безвозмездно. Кто-нибудь слышал, чтобы польский политик или политолог публично поблагодарил Советский Союз (или Россию как правопреемницу) за помощь в восстановлении польской экономики после войны?

В результате советской помощи к 1949 году производство промышленной продукции на душу населения выросло в 2,5 раза. А по сравнению с довоенным временем более чем на 200 %. Но поляки предпочитают об этом не вспоминать. Невыгодно.

В 1947 году в Польше случилась засуха. Советский Союз, сам голодая, отправлял полякам тысячи тонн зерна и продовольствия. И когда сегодня всякие негодяи (например, так называемый россиевед Игорь Чубайс) говорят о том, что мы должны покаяться за голод, который был на Украине в 1947 году, мне хочется задать встречный вопрос: а почему голод был? Может быть, потому что мы сами, недоедая, отдавали полякам последнее, и они избежали голода, а мы нет?

К 1950 году товарооборот между Польшей и Советским Союзом превысил 1 млрд долларов. Гигантский скачок в сравнении с довоенными годами и рекордный показатель за все время существования Польши. Но никакой благодарности со стороны поляков мы не услышим. Ведь они считают, что если бы Польша приняла план Маршалла, то развитие экономики шло бы более высокими темпами. Но давайте зададимся вопросом: в каких европейских странах, которым оказывалась поддержка в соответствии с планом Маршалла, к 1950 году были зафиксированы такие показатели? Таких показателей не добилась ни одна из них. Темпы роста германской экономики хоть и были высокими, но не до такой степени.

Как уже говорилось, в результате Варшавского восстания исторический центр города был практически стерт с лица земли. Все лежало в руинах. Восстановление польской столицы шло при активнейшем сотрудничестве с архитекторами Ленинграда, которые разработали проект

по воссозданию исторического облика города, используя документы из советских архивов. Однако сегодня поляки говорят о том, что восстановил столицу замечательный архитектор Ян Захватович. Некоторые, самые подкованные, признаются, что у Захватовича были связи с Россией, потому что в свое время он окончил петербургский Институт гражданских инженеров. Но было это еще во времена Российской империи.

Как минимум половина польской столицы построена из советского цемента и кирпича. Вы можете мне назвать аналогичный пример в странах Западной Европы? Может быть, восстановленный Гамбург на 50 % состоит из американского цемента и кирпича? Или Любек хотя бы на 30 %?

Я думаю, что современные политики и эксперты, любясь красотами исторической Варшавы, даже не подозревают, что это все стало возможным благодаря «ужасам» азиатской большевистской деспотии.

С 1950-го по 1955 год в Польше реализовывался так называемый шестилетний план индустриализации. За основу, разумеется, был взят советский опыт. Давайте посмотрим на результаты.

1955 год. По сравнению с 1950 годом промышленное производство выросло в 2,5 раза. Число аграрных кооперативов в 14,3 раза. Очевидно, что таким образом мы пытались помешать полякам восстанавливать экономику. Какой иезуитский план! Добиться невиданных в польской истории показателей роста экономики только для того, чтобы как можно сильнее закабалить и осложнить жизнь полякам.

Наступил XXI век. Польша уже давно независима, крепких связей с Россией у нее нет. Казалось бы, ничто не мешает наращивать темпы экономического роста. Но почему-то когда деньги в польскую экономику вкладывала Москва, экономика росла как на дрожжах. Стоило выбрать в качестве помощников американцев — и темпы роста снизились: рост промышленного производства Польши в составе Европейского Союза в среднем равен 4,8 %. Это хорошие цифры? Конечно. Только давайте вспомним, что с 1946-го по 1955 год рост экономики выражался десятками процентов. Не правда ли, странно? Мне кажется, что это повод самим полякам задуматься, почему так произошло.

Но им не до этого. Они продолжают критиковать советскую модель. Даже признавая некоторые экономические успехи 1946–1955 годов, они все равно сквозь зубы скажут, что хотя государственное регулирование и позволило восстановиться, но это возможно было только в краткосрочной перспективе и только на старом багаже. Когда старый багаж иссяк, тягаться с экономиками Западной Европы стало сложно, поэтому в любом случае виновата проклятая советская оккупация.

Наивно полагать, что хотя бы в среднесрочной перспективе поляки реально оценят те усилия, которые предпринимались Советским Союзом для восстановления их экономики. Скорее, напротив, будут и дальше придумывать разнообразные сказки, чтобы доказать зловредность Советского Союза. Так выгоднее. Потому что если начать говорить какие-то добрые слова в адрес Москвы, то рано или поздно возникнут вопросы: если стояла задача изжить поляков со свету, то зачем вкладывались такие деньги в восстановление Польши? Казалось бы, наоборот, во время засухи надо было прекратить поставки хлеба и продовольствия. И чтобы польский обыватель не начал задавать подобные вопросы, придумали очень простую и понятную всем схему: был хороший план Маршалла по восстановлению экономики и был отвратительный Советский Союз, который всем только мешал.

С этой концепцией они сегодня и живут. Но если вы спросите поляков про те самые цемент и бетон, про кирпич, про эшелоны продовольствия и медикаментов, одежды и стройматериалов, они очень удивятся. Просто они никогда в жизни об этом не слышали. И восхищаясь архитектурным обликом Варшавы, они не подозревают, что сделали это советские архитекторы. В стремлении продемонстрировать величайший накал русофобии они об этом забыли.

Но это не означает, что мы с вами тоже должны обо всем этом забыть. Слушая выступления польских политиков, нужно всегда помнить, что их в принципе не интересует историческая истина. Их интересует историческая спекуляция на теме. А с правдой эта спекуляция всегда лежит в разных плоскостях.

Глава 10. Катастрофа самолета Качиньского

10 апреля 2010 года в авиакатастрофе Ту-154М ВВС Польши погибли президент страны Лех Качиньский и десятки представителей польской военной и политической элиты. Эта трагедия окончательно испортила отношения Москвы и Варшавы.

Отношения между нашими странами никогда не были безоблачными. Хотя были и относительно стабильные периоды во время Великой Отечественной войны и в послевоенные десятилетия, когда Польша была частью социалистического лагеря и союзником СССР. Однако сразу после распада СССР, когда прекратил свое действие Варшавский договор, все польские политические силы, выступавшие за развитие дружеских и взаимовыгодных отношений с Россией, были вытеснены с политической сцены. К власти пришли люди, для которых конфронтация с Россией являлась главным внешнеполитическим вектором и, пожалуй, главным внутривнутриполитическим козырем. Причиной всех проблем они объявили Россию, которая на протяжении столетий только и делает, что вредит великой Польше.

Подобного рода трактовки находили и находят до сих пор отклик в сердцах многих поляков. Действительно, что будет думать обычный человек, если каждый день ему рассказывают о том, как Россия устроила невиданный в мировой истории геноцид (имеется в виду Катынское дело, невероятно трагичная история, о которой мы уже говорили) или еще какое-то зверство. Катынское дело вообще стало чуть ли не национальной идеей. Погибших польских офицеров, не вдаваясь в дополнительные подробности, вспоминают буквально ежедневно.

А тут гибель польской элиты. Что еще нужно для разжигания русофобии?

Делегация Качиньского тогда направлялась в Россию, чтобы принять участие в траурных мероприятиях, посвященных 70-й годовщине катынского расстрела. В 10:41 по московскому времени в окрестностях аэродрома Смоленск-Северный происходит авиакатастрофа. Самолет Ту-154М польских ВВС рухнул на землю и загорелся. Пожарные потушили огонь в течение 20 минут, но выжить в крушении не удалось никому. Погибли 88 пассажиров и 8 членов экипажа, в их числе президент Польши и его супруга, польские политики, почти все командование польских вооруженных сил, общественные и религиозные деятели. Безусловно, для

поляков это глубокая национальная трагедия, и никто с этим ни в коем случае не спорит.

Однако новость о том, что польская элита погибла в России, и не просто в России, а почти в Катыни, тут же была использована польскими политиками для разжигания самых низменных настроений в обществе. Еще первый шок от новости не прошел, а уже последовали заявления, что ответственность за уничтожение польской элиты должна нести Россия, что наверняка это был акт террора, одобренный и санкционированный на государственном уровне.

Дополнялась картина тем, что Качиньский, который находился на борту самолета, никогда не скрывал своих резко антироссийских взглядов. Естественно, что его окружение придерживалось примерно той же точки зрения. Поэтому в самые первые минуты после трагедии некоторые польские политики заявляли, что Качиньский, оказывается, был чуть ли не главным врагом всего руководства России и его устранение (а именно так и говорилось) было выгодно прежде всего Владимиру Путину. Заявление польских политиков тут же подхватили в Соединенных Штатах и стали транслировать все западные СМИ.

Разумеется, что после таких чудовищных обвинений для нашей страны стало делом принципа расследовать абсолютно все обстоятельства авиакатастрофы. Нужно было показать всему миру, что никакого отношения к этой трагедии Россия не имеет, представить самые убедительные доказательства.

В тот же день, 10 апреля 2010 года, по распоряжению президента России Дмитрия Медведева была создана специальная правительственная комиссия по расследованию обстоятельств авиакатастрофы. Возглавил ее председатель правительства Владимир Путин. Кроме этого была образована специальная комиссия Межгосударственного авиационного комитета и Министерства обороны Российской Федерации. В ее состав входили 25 польских специалистов. Был проведен анализ данных наземных служб, изучили переговоры диспетчеров с экипажем, проанализировали расшифрованную информацию с черных ящиков, опросили свидетелей (всех, кого только можно), чтобы максимально точно восстановить картину трагедии.

Теперь в этой истории известно, пожалуй, все. Ту-154М вылетел из Варшавы в Смоленск в 9:27 по московскому времени, почему-то с задержкой на час. Что произошло в Варшаве, нам до сих пор не рассказали. Впрочем, никакого отношения к крушению самолета этот факт, скорее всего, не имеет. Трагедия случилась вовсе не из-за того, что рейс вылетел с

часовым опозданием.

В результате задержки оставалось очень мало времени, чтобы успеть на траурные мероприятия в Катыни. Отсутствие на них польской делегации породило бы массу вопросов уже в самой Польше.

Итак, самолет вылетел из Польши. Пилоты — 35-летний командир экипажа Аркадиуш Протасюк, 36-летний второй пилот Роберт Гживна, 31-летний штурман Артур Зентек, 36-летний бортиженер Анджей Михалек. Конечная точка маршрута — аэродром Смоленск-Северный. Раньше он принадлежал Министерству обороны, то есть относился к сфере военной авиации. Этот аэродром сложен для посадки тем пилотам, которые не знакомы с его особенностями.

Тут сразу нужно сказать, что командир корабля Протасюк был знаком с этим аэродромом весьма поверхностно. 7 апреля 2010 года он в качестве второго пилота входил в экипаж того же самого Ту-154М, тогда они выполняли полет с премьер-министром страны Дональдом Туском в Смоленск.

Погода 10 апреля была плохая: низкая облачность и туман. Диспетчеры аэродрома в Смоленске предупредили Ту-154М об изменившейся погодной обстановке.

Незадолго до роковых мгновений в этом самом аэропорту приземляется самолет ЯК-40, также принадлежавший Польше. Его экипаж связался с Ту-154М и сообщил об отсутствии условий для нормальной посадки. Гораздо спокойнее приземлиться на территории Белоруссии — в Минске или в Витебске. Именно так поступил экипаж российского самолета Ил-76. Они предпочли не искушать судьбу и ушли на посадку на запасной аэродром.

10:23 по московскому времени. Руководитель полетов аэродрома Смоленск-Северный объявляет экипажу самолета Ту-154М, что условий для приема на посадку польского борта № 1 нет. В соответствии с международными правилами в таких ситуациях «ответственность за решение о посадке или об уходе на запасной аэродром принимает командир самолета».

В 10:25 Протасюк передает диспетчеру аэродрома: «Спасибо, но мы попробуем подход. Если погоды не будет, уйдем на второй круг». То есть решение о том, что посадка будет совершаться в Смоленске, принималось исключительно польской стороной. Россия к этому никакого отношения не имеет.

Однако уйти на второй круг польским пилотам не удалось. В тот момент, когда они принимали решение, Ту-154М задел верхушки деревьев

и через несколько секунд рухнул на землю.

У любого нормального человека возникает вопрос: почему польские пилоты не послушались совета? Откуда это упрямство? Ведь прекрасно понимали, что в такую погоду посадить самолет на малознакомый аэродром — задача не самая простая. Почему не слушали российских коллег — еще можно понять: не доверяли, потому что искренне полагали, что их обманывают эти коварные русские. Но почему не слушали своих, польских пилотов? Ведь они никакого отношения к России не имели, они свои.

Ответ на этот вопрос невероятно прост. Польские пилоты не стали никого слушать, потому что боялись своего президента пана Качиньского. После расшифровки бортовых самописцев будет обнаружена ключевая для понимания всей этой истории фраза: «Он взбесится, если еще». «Он» — это Лех Качиньский. И понятно, почему он взбесится: за несколько лет до этих трагических событий у него уже был повод выражать недовольство своим летчикам. В августе 2008 года, в разгар войны в Южной Осетии, Лех Качиньский, никогда не скрывавший своей русофобии, решил собрать группу поддержки для господина Саакашвили. Контингент был подобран со вкусом: и президент Украины Ющенко, и президент Литвы Адамкус, и президент Эстонии Ильвес, премьер-министр Латвии Годманис. То есть люди, которые всю свою жизнь проповедовали самую оголтелую русофобию. И вот Качиньский со товарищи решил лететь в Грузию, чтобы лично подбодрить Саакашвили в этот невероятно драматичный для него момент.

Во время полета Качиньский потребовал изменить первоначальный маршрут и посадить самолет в Тбилиси. Но командир самолета Петручук не выполнил указания своего президента. Его можно понять: лететь предстояло над зоной боевых действий, еще неизвестно, что там могло произойти. Поэтому Петручук принимает решение осуществить посадку того самого Ту-154М не в Тбилиси, а в Азербайджане. Интересно, что Министерство обороны Польши, проанализировав действия своего пилота, сочло их единственно верными и наградило его медалью, но тут же отстранило от полетов борта № 1. Казалось бы, при чем тут Петручук и его непростые отношения с Лехом Качиньским? Не торопитесь. Вторым пилотом в том полете был как раз Аркадиуш Протасюк, а штурманом — Роберт Гживна. И они знали, как обошлись с Петручуком за отказ выполнить указание президента Польши. Они решили, что лучше пойти на риск, чем оказаться в отставке.

Это не значит, что они вообще не пытались повлиять на ситуацию. В

10:26 Протасюк обратился к директору дипломатического протокола польского Министерства иностранных дел Мариушу Казане и сказал: «Господин директор, появился туман. В тех условиях, которые сейчас, мы не можем сесть. Попробуем подойти, сделаем один заход, но, скорее всего, ничего не получится». Казана в ответ заметил, что это серьезная проблема.

Проблема была не только в том, что президент Качиньский будет недоволен. Как мы помним, самолет вылетел из Варшавы с часовым опозданием, и делегация едва успевала прибыть к началу траурных мероприятий в Катынь. Производить посадку на территории Белоруссии — значит не успеть даже к середине траурных мероприятий, в лучшем случае представители Польского государства приедут туда ближе к концу. А отсутствие делегации на мероприятии, провести которое они громче всех требовали, вызовет в Польше массу совершенно ненужных Качиньскому вопросов. Поэтому экипаж принимает решение осуществлять посадку в Смоленске.

В 10:30 по московскому времени директор дипломатического протокола польского МИДа Мариуш Казана сказал: «Нет решения президента, что делать дальше?» Можно, конечно, предположить, что Качиньскому о ситуации не докладывали. Зачем вызывать гнев президента? Авось пилоты как-нибудь сами справятся. Я вполне допускаю, что так могло быть. Но в кабине пилотов в этот момент находился еще один человек — командующий ВВС Польши Анджей Бласик. Его голос опознали при расшифровке бортового самописца. У этого человека были полномочия запретить осуществлять опасную посадку в Смоленске, больше того — он, вне всякого сомнения, имел авторитет, чтобы подойти к президенту Качиньскому и объяснить ему, что возникла серьезная непредвиденная проблема. Да, у генерала Бласика не было опыта пилотирования Ту-154М. А когда провели экспертизу, выяснилось, что генерал находился в состоянии алкогольного опьянения. Но он в принципе отдавал себе отчет, чем может обернуться неудачная посадка?

Факт присутствия Бласика в кабине вызвал достаточно серьезную полемику между Россией и Польшей. Поляки считали, что присутствие командующего ВВС Польши на ситуацию никак не повлияло. В свою очередь российские эксперты совершенно справедливо заметили, что присутствие в кабине генерала Бласика, возможно, привело к дополнительной нервозности польских пилотов и это, в свою очередь, повлекло череду роковых ошибок. Правду мы никогда не узнаем. Как бы там ни было, командующий ВВС никаких попыток предотвратить посадку в Смоленске не сделал.

Параллельно с российской комиссией расследование вела комиссия польская, которая занялась анализом работы 36-го специального транспортного полка ВВС Польши. Это подразделение отвечает за транспортировку высших государственных лиц. И тут всплыли нелицеприятные для Варшавы подробности. Во-первых, оказалось, что при подготовке пилотов и формировании экипажей самолетов допускались многочисленные грубейшие нарушения. Кроме того, были зафиксированы серьезные нарушения при проведении учебных занятий на тренажерах. И чтобы это выяснилось, потребовалось пережить трагедию! До этого поляки, видимо, не интересовались, как происходит подготовка их пилотов.

Как бы то ни было, в январе 2011 года был представлен окончательный доклад о расследовании катастрофы, из которого следует, что причина крушения — неправильные действия экипажа (имеется в виду решение о заходе на посадку в сложных погодных условиях, снижение ниже минимальной высоты, указанной правилами полетов, игнорирование сигналов системы предупреждений об опасном сближении с поверхностью земли), а также психологическое давление на экипаж. Обратите внимание: никаких заложенных в самолет мин, никаких ракетных обстрелов, вообще никаких козней Москвы доказать полякам не удалось. В катастрофе целиком и полностью виноваты польские пилоты, а в первую очередь представители руководства страны, начиная с самого президента Качиньского.

Казалось бы, все очевидно. Но ведь в Польше привыкли абсолютно во всех бедах винить Россию. Там и мысли не могут допустить, что виноваты они сами. Поэтому вот уже на протяжении семи лет с завидным упрямством Польша перекладывает ответственность за катастрофу на Россию. Сначала пытались обвинить диспетчеров аэродрома в том, что они не предотвратили опасную ситуацию. Но что, собственно говоря, они сделали неправильно? Диспетчеры указали пилотам, что погодные условия ухудшились и не факт, что удастся посадить самолет на аэродроме Смоленск-Северный. Предложили альтернативные аэродромы для посадки. Польские пилоты эти рекомендации проигнорировали. Что еще должны были сделать российские диспетчеры? Службы аэродрома Смоленск-Северный действовали четко в соответствии с международными нормами. Но Варшаве нет до этого никакого дела.

24 марта 2015 года главная военная прокуратура Польши предъявила обвинения в совершении преступления двум российским военным — членам группы управления полетами аэродрома Смоленск-Северный. Первый обвинялся в создании ситуации непосредственной опасности в

воздухе, второй — в неумышленном доведении ситуации до катастрофы в воздушном пространстве. То есть одного обвиняют в том, что изменились погодные условия. Облачность и туман возникли, очевидно, по его вине, хотя никто из польских экспертов не может объяснить, как такое возможно. Второй обвиняется в том, что, предупреждая экипаж самолета Ту-154М об изменившихся погодных условиях и об опасности посадки, он, оказывается, доводит ситуацию до катастрофы.

В общем, у сотрудников польской прокуратуры свой взгляд на проблему.

Но это еще не конец истории. В октябре 2017 года министр обороны Польши Антоний Мацеревиц заявил, что на одном из самописцев обнаружена запись взрыва, якобы произошедшего на борту самолета. Весной 2018 польская комиссия по повторному расследованию крушения должна представить отчет — и тогда станет понятно, кто несет ответственность за эту трагедию. То есть поляки утверждают, что на борту самолета произошел взрыв. Больше того, министр заявил о том, что вина России уже доказана и российское руководство будет отвечать перед международным трибуналом.

В принципе, на слова польского министра обороны можно было бы не обращать внимания — он человек весьма своеобразный. Но здесь интересен другой момент, о котором поляки пока ничего не говорят. Если в самолете произошел взрыв, то мина или бомба с большой долей вероятности была заложена в самолет в Варшаве. Но тогда ответственность за это несут те, кто готовил самолет к полету, а вовсе не руководство России. Ведь никаких внешних повреждений на самолете обнаружено не было, а значит, версия с ракетой отпадает.

Главный аргумент польской стороны состоит в том, что Россия не передала ей обломки самолета. Но этому есть объяснение. Если Россия передаст Польше обломки, то по указанию такого же господина Мацеревица может быть произведена подмена деталей, а потом мы будем до конца дней доказывать, что внешних повреждений не было. Логика же абсолютно понятна: необходимо любым способом доказать вину России. Ради этого все и делается. Ради этого вбрасываются в общество странные заявления о том, что на борту самолета произошел взрыв. Ради этого игнорируются погодные условия и предупреждения диспетчеров аэродрома Смоленск-Северный. Главное, повторяю, сказано польским министром обороны: вина России доказана, и высшее руководство нашей страны будет отвечать перед международным трибуналом.

Само это заявление свидетельствует о высочайшей степени русофобии

в Польше. Ведь совершенно очевидно, что доказать эту бредовую идею они не смогут. Если бы у них были серьезные аргументы, они бы не стали ждать семь лет, чтобы их опубликовать. А пока в общество вбрасывается такая информация, чтобы подогреть русофобию.

Но есть еще одна интересная деталь. Параллельно с заявлением польского министра стало известно, что в Польше продолжается эксгумация останков жертв катастрофы Ту-154М. До конца 2017 года будет произведено 49 эксгумаций. Вдумайтесь: 49 эксгумаций ради того, чтобы найти хоть какое-нибудь косвенное свидетельство, что виновата во всем Россия! Потому что выводы комиссии категорически не устраивают Варшаву.

У польского обывателя не должно быть ни тени сомнения, что во всем и всегда виновата Россия. Это она не позволяет Польше занять подобающее место на мировой арене. А если обыватель начнет задумываться и вдруг у него возникнет вопрос о том, что если в самолете произошел взрыв и на борту была мина, не означает ли это заговора внутри польской политической элиты? Представляете, что тогда начнется в Польше! Это ведь крах национальной идеи, а без национальной идеи ни одна страна существовать не может. Именно поэтому за последние 25 лет дня не проходит, чтобы кто-то из польских политиков не обвинил в чем-то Россию. Стоит ли удивляться после этого, что никакого осмысления трагедии, несмотря на прошедшие семь лет, как не было, так и нет. И не будет. Потому что невыгодно.

Вот это, пожалуй, главное. Я уверен, что эта история будет продолжаться и дальше. Главное — не сбавлять накала разоблачения коварных замыслов России. В этом Польше действительно нет равных, и свидетельство тому вся история отношений Москвы и Варшавы за последние сто лет.

Послесловие

На страницах этой книги я рассказал далеко не обо всех трагических страницах взаимоотношений Польши с нашей страной. Не раскрыл даже, наверное, десятой части страшных подробностей. О каждом из эпизодов, упомянутых здесь, можно было бы написать отдельную книгу. И по многим вопросам, кстати, книги существуют, но выходят они маленькими тиражами и совершенно неизвестны широкой общественности. Те, кого эта тема интересует, вне всякого сомнения, легко найдут и сборники документов по тем событиям, о которых я рассказываю, и научные монографии, ну а самые любознательные, наверное, даже изучат подшивки старых газет, которые зачастую дают богатую пищу для размышлений.

Однако закончить эту книгу я хотел бы не историческим фактом, а эпизодом из нашей действительности. В ночь с 30 на 31 декабря известный российский политолог, мой большой друг Алексей Мартынов был объявлен персоной нон-грата на территории Европейского Союза по требованию Польши. Дело в том, что Алексей в многочисленных телепрограммах и радиоэфирах, в том числе и с моим участием, весьма критично высказывался о польской русофобии и указывал на откровенно тенденциозный характер многих заявлений польских политиков. «Расплата» не заставила себя долго ждать. И если бы история с Алексеем являлась исключением из правил, было бы горько, но не так трагично. Но, к сожалению, это уже система. Любая подлость по отношению к России будет нравственно чиста и безупречна, потому что идет на пользу Варшаве.

Это, пожалуй, основной итог всех последних ста лет российско-польских отношений. Не наша вина, что поляки ведут себя исключительно подобным образом. Но когда мы слышим из уст их политиков или общественных деятелей заявления, что русские должны платить и каяться, давайте прежде, чем посыпать голову пеплом, будем вспоминать о том, что я рассказал на страницах этой книги. А заодно вспоминать про абсолютно гнусное решение по отношению к Алексею Мартынову. Потому что это, по сути, зеркало всей истории взаимоотношений двух стран.

Мне бы очень хотелось верить, что рано или поздно поляки одумаются, дадут справедливую оценку своим деяниям — и между нашими странами установятся нормальные отношения. Но я вижу все то, что происходит в Польше, я слышу заявления политиков и понимаю, что, к огромному сожалению, ставку они по-прежнему делают на русофобию. И

главным их внешнеполитическим вектором является все та же подлая и циничная ложь, если угодно — Ложь Посполита.

notes

Примечания

1

Соединение православной и католической церквей.

Полностью название клуба звучало так: «Прометей» — Лига угнетаемых Россией народов: Азербайджана, Дона, Карелии, Грузии, Идель-Урала, Ингрии, Крыма, Коми, Кубани, Северного Кавказа, Туркестана и Украины.

Соединение военной авиации нацистской Германии, которое было отправлено для поддержки националистов Франко в испанской гражданской войне.

4

Серия еврейских погромов, организованных нацистами в ночь с 9 на 10 ноября 1938 года на территории Германии и Австрии.

Другое название — Польский коридор. Так называлась в 1919–1939 годах польская территория, отделявшая Восточную Пруссию от основной территории Германии. Была передана Польше после Первой мировой войны по Версальскому мирному договору.